

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ПОРОЧНОЕ МЕСТО

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Порочное место

«ЭКСМО»

2012

Колычев В. Г.

Порочное место / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2012 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

В приусадебном пруду найден труп Вадима Остроглазова, родственника хозяина усадьбы Евгения Костина. Накануне убийства в усадьбе был пикник, шумно гуляли приглашенные хозяином гости. Милейшие люди давно знали друг друга, и, на первый взгляд, никто из них не мог совершить убийство. На место преступления выехал подполковник Степан Круча. Опрос свидетелей результатов не дал, и тогда сыщик начал опрашивать присутствовавших на пикнике гостей. И тут выяснилось, что под подозрение попадают абсолютно все...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	38
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Колычев

Порочное место

Глава 1

Синоптики представляют на земле «небесную» канцелярию, но все-таки они простые смертные, а потому допускают просчеты. И хорошо, если они ошибаются в сторону лучшей погоды, например, как сегодня. Вчера метеобюро предрекало похолодание, сплошную облачность и небольшой дождь, но небо с утра было чистым, ярко светило солнце. Тепла в последние дни действительно не хватало. Стоял июль, а температура едва дотягивала до двадцати градусов. Зато сейчас столбик термометра неудержимо стремился к отметке «тридцать». Да и суббота сегодня, самый лучший для отдыха день: можно развлекаться до самой ночи или даже до утра, ведь в запасе целое воскресенье.

В такую погоду грех сидеть дома, и, если есть возможность, надо выбираться на природу, жарить шашлыки, пить поданное к мясу красное вино или, если на мангале жарится осетрина или семга, белое. И хорошо, если такую природу можно найти в шаге от дома, на берегу собственного пруда.

Пруд большой, с каменистым дном и роскошным оформлением береговой линии. Шашлычная беседка была частью его дизайна и омывалась чистыми, слегка зеленоватыми водами с двух сторон. Можно было встать ногами на кирпичный бортик, оттолкнуться и нырнуть в пруд головой – благо глубина позволяла. Только вода холодная, да и неприлично это: ведь вокруг люди, гости хозяина дома, и никто из них не расположен к водным процедурам. Купаться сейчас хотели только три гипсовые грации, что стояли неподалеку возле высокой, выложенной из крупного камня горки с водопадом. Эти замечательно исполненные статуи очень хорошо вписывались в общий пейзаж, но на них смотрел только один человек из тех, кто находился в беседке. Смотрел с интересом, но не восхищался, напротив, думал о том, что эти полуголые купальщицы – полная безвкусица.

Это был высокий статный мужчина тридцати пяти лет. Черные блестящие волосы, модная, с легким налетом небрежности прическа, густые, смоляные брови, небольшие, слегка раскосые глаза... В них была та глубина и пронзительность, которые очень нравятся женщинам. И лицо у него для мужчины довольно красивое, с аристократичными чертами брутально-гламурной выточки. Смотрелся он привлекательно, и вряд ли в глазах женщин его портило большое количество родинок на правой щеке.

Дамы в беседке были предоставлены сами себе, в то время как мужчины чинно потягивали коньяк, явно скучая от того, что шашлыки запаздывают. Стол накрыт, закуска на местах, но главное блюдо еще не подали, поэтому мужчины неторопливо разминались в преддверии первого тоста. У них сложилась своя теплая компания, но и женщины не скучали – им было о чем поговорить между собой, запивая невинные сплетни легким вином. Гости довольно оживленно общались между собой, и только мужчина с родинками на правой щеке пребывал в гордом одиночестве. Он стоял у бортика беседки, глядя куда-то в сторону, но при этом явно любовался самим собой.

Вадим Остроглазов ничуть не сомневался в собственной исключительности. Он искренне считал себя красивым, умным, эрудированным. У него два высших образования, его ценит начальство, ему прочат хорошие должности в будущем. Он еще молод, полон сил, женщины от него без ума, и он активно пользуется этим, чередуя праздные увеселения в ночных клубах с разгрузочными тренировками в фитнес-центре. Авангардные и абсурдистские театральные постановки, выставки концептуальной живописи, японская литература и буддийская философия

фия – это его стиль жизни. Красивые женщины, казино и ночные клубы – его стихия. Он в курсе всех новостей в гламурной тусовке, его держат за своего в этом недоступном для плебса мире, а здесь, в шашлычной беседке, собрались типичные филистеры, обыватели, которые ничего дальше собственного носа не видят. Работа, дом, жена, дети, телевизор – все, больше для счастья в личной жизни им ничего не надо. А на выходные они любят собираться вместе – на рыбалке, в бане или вот так, на природе, в частных владениях своих друзей. Темные ничтожные людишки. И совсем не важно, что у них много денег...

Нет, это, конечно, важно. Но в этом и заключается величайшая несправедливость. Почему эти никчемности живут в богатых домах, ездят на дорогих машинах, имеют красивых жен, а Вадиму, яркому представителю элитного общества, приходится снимать однокомнатную квартиру в спальном районе Москвы, ездить на скромном «Форде»? Да и работа у него, честно говоря, неважная. Да, он креативный человек, но всего лишь старший менеджер в рекламной фирме, и зарплата у него невысокая.

На дом хозяина торжества он смотрел снисходительно, с оттенком пренебрежения во взгляде, но в душе у него шевелилась, скреблась острыми лапками зависть, отравляла кровь своими кислотными выделениями...

Дом большой и красивый, как свадебный торт, – высокий, кремового цвета, с темной, как шоколад, сложной формы крышей. Большое мраморное крыльцо, портик с колоннами, большие круглые эркеры по углам. И внешне дом смотрится превосходно, и внутри креативный дизайн, богатая обстановка. Альпийские лужайки во дворе, мощенные тесаным булыжником дорожки, цветочные гобелены, сосны, пруд – все чуть ли не произведение искусства.

А ведь этот райский уголок мог принадлежать Вадиму, если бы он в свое время сделал правильный выбор. Но нет, он жил тогда своей жизнью, далекой от взаимных привязанностей, полной свободной любви, секса и прочих сильных ощущений. Зато Женя не упустил шанс...

Располнел Женя на сытых хлебах, пивное брюшко отрастил, чего не скажешь про его жену. Серафима все так же хороша собой, как и прежде. Нет, она не красавица, но миленькая и симпатичная. И еще худенькая. Это не болезненная, анорексичная худоба, а, можно сказать, художественная филигранность. Худосочная она, руки тонкие, ножки тощие, длинные, но грудь у нее третьего размера и тазовая кость для ее фигуры довольно широкая. Она и раньше была такой, и даже после двух родов ничуть не изменилась.

Женя не приглашал Вадима на пикник, но ведь они сводные братья, росли вместе, и он может приехать сюда в любое время дня и ночи. Увы, нет больше между братьями былой дружбы, их отношения натянуты, и Женя должен радоваться, что Вадим не злоупотребляет своим правом приезжать сюда нежданно-негаданно. И переживать ему не надо, не метит он сегодня на его Серафиму. Его друг Миша тоже пусть не волнуется: он мужик богатый, таких жены холят и лелеют, так что от него не убудет, если он пару раз с вождением посмотрит на его вторую половину...

А вот Леонид Артемьевич, как назвался третий мужчина из Жениной компании, пусть побеспокоится за свою супругу. Нет чтобы улыбнуться Вадиму при знакомстве, позволить называть себя просто Леной или хотя бы Леонидом, так он сразу задрал нос, раздул щеки, сказал несколько слов через губу, на том разговор и закончился. Ну да, не ровня ему Вадим, зато его красотка-жена настроена очень даже демократично. Хоть и не очень она молода, лет под тридцать, но смотрится очень свежо, никак про нее не скажешь, что дама слегка переспела. Она не строила Вадиму глазки, за все время лишь один раз посмотрела на него. Но что это был за взгляд! В нем не обещание, а чуть ли не мольба о помощи. Ну да, муж у нее уже не молодой, мягко говоря, не в форме, внешность далека от совершенства, зато самомнения хоть отбавляй.

Жена у Леонида Артемьевича красивая, но этого ему, возможно, мало для удовлетворения собственного честолюбия. Если так, то у него наверняка есть любовница, с которой он почти не спит. Вадим хорошо знал этот тип людей, у него босс такой же. Апломба много, но

заявленные способности явно не соответствуют реальности. Если бы не Вадим, фирма давно бы уже разорилась: ведь только он своим умом держит бизнес на плаву. И у этого Леонида Артемьевича наверняка есть талантливые помощники, поэтому его дела и идут хорошо. Чем именно занимался Леонид Артемьевич, Вадим не знал, но надеялся выяснить у его жены. Если вдруг представится удобный момент...

Сегодня он многое должен узнать. Но еще больше он уже знает. Так что неспроста он заглянул сегодня к брату на огонек – и с ним у него будет серьезный разговор, и с его гостями.

* * *

Ветер гнал по небу рваные темно-серые облака, срывая с них редкие дождевики. Ненастная погода, но было не холодно, и не похоже, что вскоре заморосит дождь.

Крупный, плотного телосложения мужчина с жесткими седеющими волосами перевел взгляд с большого роскошного дома на зеленоватую гладь приусадебного пруда. Красивый водоем – берега выложены камнем, на ветру шелестят декоративные камышовые заросли, среди распластавшихся на воде темно-зеленых листьев цветут жемчужно-белые с желтой серединой кувшинки. Не хватает разве что пары лебедей. Впрочем, эту кажущуюся пустоту заполнил плававший в гордом одиночестве труп мужчины.

Но Степана Кручу и не пригласили бы смотреть на лебедей: там, где все хорошо и спокойно, его присутствие не требуется. А вот там, где трупы, – туда добро пожаловать.

А труп, скорее всего, криминальный. На эту мысль наводило выражение лица утопленника. Не так просто разглядеть эту боль и страх перед смертью, но у подполковника Кручи глаз наметанный, он почти двадцать лет в розыске и был, по сути, ходячей копилкой профессионального опыта, как изредка подшучивали самые близкие друзья.

– Товарищ подполковник, будем вытаскивать? – спросил судмедэксперт Краськов, subtilный молодой человек с ранними залысинами.

Круча молча показал взглядом на майора Сеницына, возглавлявшего оперативно-следственную группу. Вот кому решать, пора вынимать труп из воды или нет.

От дома к пруду тянулась мощенная камнем дорожка в полтора-два метра шириной. Она проходила мимо горки с водопадом, возле которой удобно расположились гипсовые статуи обнаженных женщин. Две нимфы повернулись в сторону пруда, а третья стояла посередине, лицом к ним, предплечьями закрывая им груди. И совсем непонятно, кого увидели эти купальщицы перед тем, как потерять головы, причем в самом прямом смысле этого слова. Красивые у них фигуры, но вместо голов из шей торчали арматурные обрезки. А в траве валялись куски гипса.

Дальше дорожка вела к шашлычной беседке из колотого кирпича с камышовой крышей, в которой стоял большой стол из состаренного дерева и массивные кресла с подлокотниками. Дорожка огибала беседку с мангалом и уходила за пруд, змейкой пробегала мимо гостевого коттеджа, заворачивая обратно к дому. От дорожки тянулся проход к мосткам из полимерной доски. С них и упал в воду мужчина, труп которого до сих пор не подняли на берег. Он лежал на спине с открытыми глазами, безжизненно глядя в беспокойное небо. Тело полностью было погружено в воду, ветром обдувалась только часть лица. Эксперты уже сфотографировали его, обследовали мостки под протокол. Действительно, пора вытаскивать труп из воды. Тем более что Дима Шульгин уже показался из-за дома.

Капитан Шульгин – парень шустрый. Среднего роста, щуплый, неказистый. Но недостатки его внешности с лихвой компенсировались жизненной энергией, которую без устали производил скрытый где-то внутри его генератор. Он был из тех людей, которые не могут долго сидеть на месте, грустить и хандрить. Улыбался он редко, по случаю, но жизнерадостное свечение в его глазах никогда не меркло.

Багор он начал искать сразу, как только оперативно-следственная группа высадилась во дворе дома. Увидел труп издали и сразу же сообразил, что без длинного зацепа не обойтись. А у хозяина дома противопожарного щита с багром, топором и ведрами не нашлось, зато имелась дюралюминиевая лестница с крючками на несущих балках.

Даже с лестницей на плече Дима шел быстро, легко и пружинисто, хозяин дома едва поспевал за ним.

Евгений Максимович Костин – мужчина не молодой, но еще и не старый. Лет сорок, может, чуть больше. Полноватый, рыхловатый, с пивным брюшком, но при этом он явно не развалина. И кости у него не артритные, и мышцы не атрофированы, энергия в нем еще чувствуется. Такие мужики с удовольствием играют в футбол, ездят на внедорожниках на охоту и рыбалку, бегают по бабам, если есть возможность. Но сейчас этот круглолицый, с маленькими глазами человек передвигал ноги с трудом и явной неохотой. Присутствие незнакомых людей его явно утомляло. Тем более что он сильно мучился с похмелья. Видно, что мужик вчера на охоте был, «перепелов» стрелял. Тех самых перепелов, которые появляются с перепоя. К тому же на него давили переживания, все-таки покойник был его братом.

– Что, Евгений Максимович, нескучный вчера был день? – с безобидной, в общем-то, иронией спросил Круча, глядя на его мешки под глазами. – Трубы горят?

– Нет, не горят... Но, да, вчера было весело, – уныло отозвался мужчина.

– Да уж, повеселились, – кивнул Круча.

Пока что он мог только предполагать, по какой причине плавающий в пруду человек стал трупом – или криминал, или несчастный случай. Если хозяин дома вчера порядком выпил, то и его гость мог перебрать со спиртным, а пьяному, как известно, море по колено. И ничего удивительного в том, что купаться он полез в одежде.

Но вот Шульгин с экспертами вытащили тело на мостки. Покойник был одет в джемпер, джинсы с широким кожаным ремнем, на ногах дорогие туфли. В таком снаряжении купаются только по пьяному делу. Вот только как он утонул – сам по себе или ему помогли?

При жизни утопленник, должно быть, пользовался успехом у женщин. Тип внешности у него незаурядный, телосложение спортивное, черты лица правильные, только вот нос подвел. Распухший какой-то нос.

– Краськов, что у него там с носом? – спросил Круча.

Судмедэксперт и сам заметил, что с лицом что-то неладно, поэтому осторожно ощупал кость.

– На перелом похоже... Возможно, его ударили кулаком.

Круча и сам понимал, что такой удар мог привести к летальному исходу. Потерпевший получил по носу, потерял сознание, упал в воду и утонул. Но все-таки на всякий случай он спросил:

– Это могло стать причиной смерти?

– Все возможно...

Краськов осмотрел лицо, а затем, подняв голову покойника, стал ощупывать затылок.

– Так, что-то здесь не то!

Тело утопленника перевернули на живот, и в глаза бросилась глубокая рана на голове в районе темечка, ближе к затылку. Потерпевшего ударили чем-то тяжелым и очень твердым. Удар был сильным, похоже, потерпевшему проломили черепную кость.

– Удар тупым предметом, – бесстрастно резюмировал эксперт. – Возможно, камнем...

– А об угол пристани удариться мог? – спросил Круча.

Доски надводной площадки были обвязаны по периметру стальным уголком, но и без этого предполагаемый удар мог оказаться смертельным.

– Сам он удариться не мог, – покачал головой эксперт. – Вот если бы его кто-то головой к углу приложил, тогда возможно. Но мне кажется, ему нанесли удар камнем, например, или обухом топора. Или даже молотком... Смотреть надо, разбираться...

– И с носом у него проблема, – опять повторил Круча.

– И с носом... Могли сначала ударить по носу, потом по голове, – кивнул Краськов. – По носу – спереди, по голове – сзади.

– То есть нападавших могло быть двое?

– Все может быть.

– Если в нос ударили, то кровь должна была пойти. А на мостках крови нет, – вслух подумал Круча. – Может, его в воде ударили по носу?

– Не исключено.

– Но я думаю, что его все-таки ударили на берегу. Сначала ударили по голове, а потом ударом в нос опрокинули в воду. Он же лицом вверх лежал, значит, упал на спину...

– Разбираться надо.

Потерпевший мог перед смертью видеть своего убийцу. Или даже убийц. Глаза у него открыты, но, увы, в криминалистике пока не существует такой техники, которая могла бы считывать с глаз покойного последнюю визуальную информацию. В фантастических проектах есть, в реальности – нет. Может, когда-нибудь будет? Хотелось бы на это надеяться.

Круча посмотрел на фонарный столб на берегу возле входа на пристань. Если преступление произошло ночью, то жертва сумела бы увидеть своего убийцу. Правда, с трупа показания не снимешь, но ведь преступника мог видеть не только потерпевший.

Глава 2

Красивое женское лицо было разбито и расколото на несколько частей. Двум другим гипсовым статуям досталось не меньше. Обезглавленные, они навевали грустные мысли.

– Что это такое, Евгений Максимович? – спросил Круча, кивком головы показав на безголовые статуи.

Возможно, их изуродовали тем же орудием, которым была убита жертва. Скорее всего, молотком, и не каким-нибудь сапожным, а тяжелым, весом в три-четыре килограмма. Только где этот инструмент, куда дел его преступник?

– Хариты. Богини изящества, прелести и красоты, – тускло, без огонька сообщил Костин. – Их еще грациями называют. Дочери Зевса и Евриномы. Аглая, Евфросинья и Талия... Вадик считал эту скульптуру безвкусной, я пытался объяснить, что это копия той скульптуры, которая стоит в Лувре, но ему хоть кол на голове чешуи. Если он что-то сказал, то спорить с ним бесполезно...

– Может, он и отбил головы этим безвкусным статуям?

– Ну, не такие уж они и безвкусные... Может, он и отбил, я не знаю. Грешить на него не могу, но все может быть... Вчера все было в полном порядке, а сегодня сами видите что.

– В полном порядке. Вчера... А сегодня непорядок. Вчера порядок, а сегодня нет, – медленно, приложив в раздумье палец к щеке, проговорил Круча. И вдруг спросил хлесткой скороговоркой: – А когда погиб ваш брат, вчера или сегодня?

– Вчера, – кивнул Костин.

– В какое время?

– Я откуда знаю? – спохватился хозяин дома. – Я сегодня утром встал, пробежку хотел сделать...

– Пробежку, с похмелья?

– Ну, я специально дорожку так сделал, чтобы по кругу бегать. И каждое утро бегаю. Но вы правы, сегодня тяжело бегать, я просто вокруг пруда хотел пройтись...

Дом стоял в хорошем месте, далековато от Глубокого озера, зато в сосновом бору, рядом с речкой. И участок солидный, соток пятьдесят, может, чуть меньше, поэтому и место для большого пруда нашлось. Периметр дорожки, о которой шла речь, составлял не менее трехсот метров. Десять кругов – и три километра в зачете. А участок обустроен шикарно: английские газоны, клумбы, пруд, кустарники, деревья, одним словом, наглядное пособие по ландшафтному дизайну. Хотел был Круча иметь такую роскошь на своем участке, тогда бы не был вынужден топтать по утрам тропинку за околицей своей деревеньки.

– Прошлись?

– Прошелся, – угрюмо кивнул Костин. – Сначала вот это безобразие увидел, – взглядом показал он на обезглавленных женщин. – А потом Вадика...

Мужчина замолчал, изображая скорбный дух. Действительно, Костина расстроила смерть брата, но все-таки его горе не казалось искренним.

– Почему вы не вытащили его из воды? – спросил Круча.

– Почему не вытащил из воды? Я в милицию пошел звонить. Нельзя же трогать труп до приезда милиции. Или можно?

– Нельзя. Но почему вы решили, что ваш брат мертвый? Он же с открытыми глазами лежал, можно было подумать, что он живой.

– Сначала я тоже подумал, что живой, – кивнул Костин. – А потом смотрю, глаза безжизненные. Мертвые глаза. Остекленели у него глаза. Знаете, мне трудно говорить, спазмы какие-то в груди...

– Можете пивка на грудь принять. В вашем случае лучшее лекарство от спазмов.

– Вообще-то я не опохмеляюсь. Но сегодня можно... Только не пивка хочется, а чего-нибудь покрепче. Коньячку, например. Вы будете?

– Нет, я на службе.

Подполковник Круча возглавлял криминальную милицию ОВД «Битово», и ему совсем не обязательно было приезжать на место преступления. Было видно, что господин Костин человек далеко не бедный, возможно, весьма влиятельная персона в своих кругах, но даже из уважения к нему вряд ли можно было назвать произошедшее убийство громким или резонансным. Да, обычным его не назовешь, потому что насильственная смерть сама по себе – серьезный вызов обществу, но все-таки сейчас на месте Кручи должен был находиться начальник уголовного розыска. Однако Кулик в отпуске, поэтому Степан Степанович сам выехал на место происшествия, о чем, в общем-то, нисколько не жалел. Ему нравилась его служба, и она не тяготила его даже по выходным дням. Так ведь и живется легче, когда работа по душе. И по плечу тоже...

– Ну, тогда я сам...

Костин сделал шаг в сторону дома, но Круча его осадил.

– Куда вы, Евгений Максимович, я вас не отпускал, – добродушно усмехнулся он.

– А вы меня можете не отпустить? – удивленно посмотрел на него хозяин дома.

– Ну да, это же ваши частные владения.

– Да, это мои владения, – с начальственной иронией усмехнулся Костин. И снова повернулся к нему спиной.

– Да, но вы легко можете попасть в наши владения. Вам это нужно?

Костин замер на месте, немного постоял и резко развернулся к Круче.

– Это угроза?

Он хмурил брови, пытаясь высечь из глаз молнии, но гром так и не прозвучал. Не хватило ему для этого силы духа. Может, он гроза для своих подчиненных, но подполковник Круча явно не из них, он и сам способен учинить любому приличный разнос или даже разгром. На его стороне сила закона, шутки с которым ни к чему хорошему не приводят.

Подполковник Круча имел внушительный вид, да и чувствовалось, что внутри у него – стальной стержень, блеск которого можно было заметить в жесткой глубине его взгляда. Он не утяжелял его, не пытался давить на Костина, но тот сам понял, что с подполковником лучше не обострять отношения.

– Значит, вы увидели своего брата и пошли звонить в милицию, так я вас понимаю? – спокойно, как будто и не было никакой пикировки, спросил Степан Степанович.

– Да, вы правильно меня понимаете.

– А это что такое?

Круча зацепился взглядом за скол на стесанном булыжнике. Такое ощущение, что кто-то со всей силы бросил на дорожку молоток. Он нагнулся и заметил на выбоине мельчайшие кусочки гипса.

– Я не знаю, – отозвался Костин.

Круча позвал к себе следователя и криминалиста и велел им заняться этой интересной находкой.

Похоже, вандал сначала изуродовал скульптуру, а затем в сердцах швырнул молоток или еще что-то там еще на дорожку, оставив след.

– Скажите, Евгений Максимович, – Круча повернулся к Костину, – ваш брат вчера много выпил?

– Ну, было.

– Вы с ним, случайно, не ссорились?

Круча представил, как примерно развивались события. Пьяный Вадик схватил молоток, надругался над гипсовыми харитами, потом пошел к пруду, встал у самой воды. А тут и Костин

появился. Увидел, что стало с его любимицами, взбесился, тут и брошенный молоток на глаза попался. И мысль дурная в голову пришла. Вадик стоял на пристани, Костин подобрался к нему со спины и обрушил на него всю свою ярость.

- С кем, с Вадиком?.. Нет, мы не ссорились.
- А если это Вадик ваши статуи разрушил?
- Но я не знаю, кто это сделал.
- А если бы он это сделал, вы бы с ним поссорились?
- Как я могу с ним поссориться, если он мертвый?

То ли Костин начал юлить, то ли у него началась эта путаница от волнения, но так или иначе его поведение казалось Круче подозрительным.

- Это сейчас он мертвый, а когда махал здесь молотком, был живой.
- Он махал молотком?
- А кто махал молотком?
- Не знаю.
- Но кто-то же махал молотком? – делая упор на последнее слово, спросил Круча.
- Ну да, кто-то махал.
- И куда делся молоток?
- Не знаю. Понятия не имею.
- Может, его в пруд выбросили?
- Кто выбросил?
- Ну, не знаю. Кто-то подобрал его, подкрался к вашему брату и ударил его по голове.

А концы, как говорится, в воду. И Вадика в воду, и молоток...

– Я не знаю, кто мог ударить его молотком, – Костин смотрел на Кручу выпученными глазами.

– А почему молотком? Может, его ударили обухом топора? И его ударили топором, и статуи разрушили топором.

- Топором?! Ну, я не знаю...
- Да нет, мне кажется, что вы знаете...
- Вы думаете, что это я убил Вадика? – возмущенно вскричал Костин.

Круча ничего не сказал. Наблюдая за хозяином дома периферийным зрением, он делал вид, что смотрит на пруд. Не надо сейчас давить на Костина, пусть он варится и закипает в собственном соку.

- Я?! Убил своего брата?! Как я мог убить своего брата?!
- Но кто-то же его убил, – спокойно сказал Круча.
- Может, он сам утонул!
- У него проломлен череп.
- Ну, может, ударился?

– Экспертиза покажет, как и что. Но тогда у нас, Евгений Максимович, будет уже совсем другой разговор.

– Но я не мог убить Вадика... – в растерянности покачал головой Костин. – Если бы его убил я, разве стал бы сам вызывать милицию?

Именно такой логикой и руководствуются некоторые преступники, чтобы отвести от себя подозрения. Сам убил, сам вызвал милицию, чтобы свалить вину на кого-то другого. Но Круча не стал об этом говорить.

- Евгений Максимович, давайте попробуем плясать от печки. Ваш брат жил с вами?
- Нет, он снимал квартиру в Алтуфьеве. Вчера приехал в гости.
- Один приехал?
- Да, один. Семьи у него нет, он живет один... Что-то холодно стало, вам не кажется?

Погода здесь ни при чем, подумал Круча, просто Костина колотила изнутри нервная дрожь. Так бывает, когда человек преодолевает страх за свою шкуру. Ведь за убийство светит солидный срок, до окончания которого можно просто не дожить. Тюрма – отнюдь не райское место, и обитают там вовсе не добрые ангелы.

– Пусть принесут горячий чай, если холодно, – пожал плечами Круча.

– Да, наверное...

Костин полез в карман за телефоном, набрал номер, попросил принести в шашлычную кофе и направился в беседку. Круча последовал за ним.

Стол был большим, начисто вытертым, и плиточный пол прислуга тоже хорошо вымыла.

– Мы здесь вчера отдыхали, – сказал Костин. – Думали в доме посидеть, а тут солнце вышло, я Садыку позвонил, он мясо привез, шашлык сделал...

Чистый пол, ни соринки, только какую-то веточку ветром занесло. И еще что-то блестит за ножкой пристенной скамейки. Круча не поленился, аккуратно поднял с пола серебристый квадратик презерватива, причем не вскрытый. Странно, здесь же Синицын был, смотрел, обследовал. Почему не заметил? Может, сам потерял? Вряд ли...

– Интересная штучка, – иронично усмехнулся Круча, доставая из кармана специальный пакетик для вещественных доказательств.

– Что это?

– Вообще-то я сам хотел спросить у вас об этом... Я так понимаю, вчера после застолья здесь была проведена уборка.

– Да, конечно. Роза все убрала.

– Кто такая Роза?

– Экономка наша, она жене моей по дому помогает. Вообще-то во дворе у нас Паша работает, но его вчера не было, в больнице он с аппендицитом...

– И сколько у вас было гостей?

– Ну, пять человек... Миша с Наташей были, Леня с Эллой, ну и Вадик...

– А Вадик был один...

– Да, один.

– Жены у него, как я понял, нет.

– Нет, не женат он. И не хотел жениться. Стиль жизни у него такой.

– И долго вы здесь сидели?

– Да нет, к вечеру похолодало, темнеть рано начало, ну, мы в дом и перебрались.

– И Вадик с вами пошел?

– Да, и он тоже.

– Грации ваши еще целые были?

– Да, конечно. Я бы заметил...

– А молоток откуда мог взяться?

Круча направился в маленькую беседку, где помимо мангала находилась каменная жаровня с вмурованным в нее котлом для плова. Здесь находились рукомойник, разделочный стол с набором ножей в деревянной подставке, шкаф, в котором хранился древесный уголь в пятикилограммовых пакетах, жидкость для розжига, шампура, решетки для барбекю. В уголке были сложены березовые дрова. Там же лежал и топор с острым лезвием, – наверняка эксперт и следователь обратили на него внимание, просто руки у них не дошли, чтобы обследовать подозрительный предмет и приобщить его к делу.

Этим топором и могли убить Вадика. Но убийца не стал бы возвращать орудие преступления на место. Разве что в состоянии помутнения рассудка. Но в таком состоянии человек бросил бы топор на пол, а его аккуратно прислонили к стенке. К тому же на обухе не было заметно следов крови... Но в любом случае топор должен быть подвергнут экспертизе.

Здесь же, рядом с топором, мог находиться и молоток, чтобы было легче полено на щепу строгать. Лезвие топора приставляется к чурке, боек молотка опускается на обух, несколько ударов, и щепка готова. Для розжига углей, например.

– Да я не знаю, – пожал плечами Костин.

– Садык ваш как огонь разводил?

– Ну, он сначала из дров огонь разводил. Жидкостью не пользовался. Он говорит, что вредно это и не вкусно. Жидкость, говорит, не вся выгорает, на мясо попадает, вкус портит, ну и канцерогены...

– Все правильно... А дрова он одним топором колот?

– Ну да, топором... Да, да, у него молоток был. Точно был... А здесь молотка нет.

– Большой молоток?

– Да, солидный такой...

По дорожке кто-то шел. Круча повернул голову и увидел симпатичную женщину лет тридцати. Черные волосы в каре и прямая челка, лицо узкое, тонкий с горбинкой нос, маленькие губы. И сама она худенькая, с тонким станом. Зато глаза большие, их можно было бы назвать красивыми, если бы они светились изнутри. Но тусклый у нее взгляд. От природы пасмурный, да еще и печаль в глазах.

Женщина несла на подносе две кружки чая и бутылку коньяка с двумя бокалами. На ней был стильный домашний костюм явно не из дешевых.

– Я думал, Роза чай принесет, – сказал Костин.

– Она занята, – грустно улыбнулась женщина.

У нее был какой-то несчастный вид, но душа отнюдь не темная. Ни злости в ней не чувствовалось, ни стервозности. Пасмурный взгляд, но добродушный.

– Евгений Максимович, я так понимаю, это ваша супруга? – спросил Круча.

– Да, моя супруга. Серафима Яковлевна.

– Можно просто Фима, – с нежным упреком посмотрела на мужа женщина.

На Кручу она глянула без укора, но и без нежности. Хотя и с вежливой улыбкой.

– Угощайтесь!

– Да, спасибо.

Коньяк дорогой, но Круча остался к нему равнодушным. А от чая отказываться не стал.

– А чем Роза занята, если не секрет? – спросил он. – Может, она занята вашими гостями?

– Гостями?.. Нет гостей, – покачала головой Серафима. – Все уехали... Как узнали, так и уехали...

– О чем узнали?

– Ну, что с Вадимом случилось...

Она осеклась под резким взглядом, который метнул в нее муж.

Круча усмехнулся в ус. Ну вот, уже и разногласия между свидетелями начались.

Глава 3

«Да, весело вчера было в доме господина Костина, – подумал подполковник, – пикник на берегу прекрасного пруда, спиртное и шашлыки, застольные беседы, пьяный угар... Три семейные пары и один холостяк, четыре мужчины на трех женщин. Брат Костина мог засмотреться на чью-то жену и этим спровоцировать бытовой конфликт...»

– Евгений Максимович, как вы сами думаете, кто мог ударить вашего брата? – спросил Круча.

Костин отправил жену домой. Так посмотрел на нее, что она сама поспешила уйти. Это его поведение показалось подозрительным, но Круча не пытался остановить женщину. Он обязательно с ней поговорит наедине и сравнит ее показания с объяснениями Костина. Возможно, собака зарыта где-то в ее с мужем отношениях.

– Я не знаю... Честное слово, не знаю, – покачал головой хозяин дома.

«Честное слово», «по правде говоря», «положа руку на сердце» – эти присказки обычно предваряют предложения, в которых содержится ложь. Бывают, конечно, исключения, но сейчас не тот случай. Или Костин знал, кто убил его брата, или как минимум догадывался.

– Я же не спрашиваю, знаете вы это или нет, – внимательно и без нажима посмотрел на него Круча. – Меня интересуют ваши предположения... С кем у Вадима Костина мог произойти конфликт?

– У Вадима Костина?.. Нет, его фамилия не Костин. Его фамилия Остроглазов.

– Да, но вы же сказали, что Вадим – ваш родной брат.

– Если точнее, то сводный...

Костин выдохнул из себя воздух и одним глотком осушил наполненный на два пальца бокал. На лице появилось выражение горечи, которую, как могло показаться со стороны, он пытался выдать за скорбь по безвременно ушедшему брату.

– У нас были разные матери и отцы, но мы с шести лет росли вместе. Вернее, Вадиму было шесть, когда наши родители сошлись, мне тогда было уже одиннадцать лет. Я был старшим братом, заботился о нем. В школе за него заступался. Даже с девчонками знакомил. Это с годами он стал рубахой-парнем, а в шестнадцать лет был тихим, забитым, девчонок как огня боялся. А я уже взрослым был, из армии вернулся, первый парень на деревне, девчонки за мной бегали. Ну, я его с одной познакомил, она ему крылья-то и расправила. В общем, мы с ним душа в душу жили. И всегда относились друг к другу, как родные братья...

Костин, казалось, нащупывал в памяти пример из прошлого, который мог наглядно показать, насколько они с Вадимом были близки, но Круча ему помешал.

– А кошка когда между вами пробежала? – как бы невзначай спросил он.

– Да, пробежала, – кивнул Костин. И вдруг спохватился: – Кто сказал, что между нами кошка пробежала?

– Никто не говорил. Просто возникла такая мысль, а вы, Евгений Максимович, ее подтвердили.

– Разве? Ничего я не подтверждал... Что-то вы путать меня начинаете, товарищ подполковник, – занервничал Костин. – Я понимаю, это у вас метод такой, сбить человека с толку. Но вам не кажется, что это подло?.. У меня брат погиб. У меня такое горе, а вы по живому режете...

– Ваш брат погиб у вас дома. Его убили, а тело сбросили в пруд. Это убийство, Евгений Максимович. А если есть убийство, то есть и убийца. Где он, этот убийца?

– Я не знаю.

– И я не знаю. Но я его ищу. А среди кого я его ищу? А ищу я его среди тех, кто находился у вас в доме... Предположительно смерть наступила ночью. Пока не ясно, ближе к вечеру это

произошло или ближе к утру, но экспертиза ответ даст. И еще мы обследуем ваш пруд, здесь будут работать водолазы, они найдут оружие убийства. Вода здесь холодная, непроточная, скорее всего, нам удастся снять жировые отпечатки пальцев...

– Зачем вы это мне говорите?

– А вдруг это будут отпечатки ваших пальцев?

– Моих?! Вы в своем уме?! Вы хотите сказать, что это я убил своего брата? – вспыхнул Костин. – Да, да, именно к этому вы и клоните, товарищ подполковник! Ну да, зачем искать настоящего убийцу, если легче всего обвинить меня!

– Евгений Максимович, давайте обойдемся без истерик, – с упреком, но при этом спокойно сказал Круча. – Вы же солидный мужчина, вам такое поведение не к лицу... У меня нет оснований вас подозревать. Но есть мотив... Вы могли вчера крепко выпить, ваш брат мог напиться. Ваш брат считал вашу скульптуру безвкусной, а в состоянии сильного алкогольного опьянения мог броситься на нее с молотком. Вы это могли увидеть, вас это могло возмутить. Вы могли взять молоток и ударить Вадима по голове.

– Я?! Я не мог!.. – Костин оторопело смотрел на него. – Что бы я?! Вадика?!..

Но вид у него был совсем не убедительный.

– Это сейчас вы не смогли бы его ударить. Потому что протрезвели после вчерашнего. Но вчера-то вы были пьяны. Или нет?

– Ну, выпил немного, однако пьяным я не был.

– Но Вадик разбил вашу скульптуру?

– Это же не повод его убивать...

– Но скульптуру разбил именно он, – Круча смотрел на Костина пристально, с нажимом.

– Да, разбил, – кивнул тот.

– Но вы говорили, что не знаете, кто это сделал.

– Я говорил? – растерялся Костин. – Я и сейчас это говорю... Я не знаю, кто надругался над моими харитами. Но это мог сделать только Вадик. Он вчера много выпил. Он говорил, что моим харитам место на свалке. И еще он сказал, что поможет мне избавиться от них...

– И слово свое он сдержал.

– Выходит, что так...

– Вы видели, как Вадим разрушал вашу скульптуру?

– Нет, не видел. Наверное, это было поздно. А меня вчера в сон потянуло. Когда я засыпал, все было спокойно.

– Где вы засыпали?

– Как где? У себя в спальне.

– А окна вашей спальни куда выходят?

– Окна моей спальни?.. Окна моей спальни выходят на пруд.

– Значит, вы могли видеть, как брат казнит ваших граций?

– Да, мог. Только я этого не видел. Я очень хотел спать...

– Хорошо, в какое время вы легли спать?

– Поздно уже было. Темно. Ну, часов в двенадцать... Да, где-то так...

– А где в это время находился ваш брат?

– Он ушел в свою комнату. У него своя комната в доме...

– Он ложился спать?

– Я знаю только то, что он включил телевизор.

– Так, понятно. А где в это время находились ваши гости?

– Гости? Ну, гости были в гостевом доме...

Костин показал на стоящий в отдалении гостевой коттедж, исполненный в таком же стиле, как и главный дом, но в меньшей пропорции.

– Первый этаж Ковальские заняли, второй – Муравлевы.

- А когда вы труп обнаружили, ваши гости уже уехали, так я понимаю?
- Ну, не совсем. Ковальские еще раньше уехали. Когда я проснулся, их уже не было...
- А когда они собирались уезжать?
- Ну, сегодня. После завтрака... Но Леня не исключал, что может уехать раньше. Он в

Питере живет, в городской администрации работает, большой человек. Человек-то большой, а работать заставляют, как молодого. Он коммунальным хозяйством занимается, а вы должны знать, что это такое – там прорвало, там где-то что-то не так посчитали, народ жалуется, начальство на ковер вызывает... Может, случилось что-то...

- А вы ему не звонили?
- Да нет. Собирался, а тут как закрутилось...
- А Муравлевы когда уехали?

– Ну, эти уехали, как только про труп узнали. Миша сказал, что они ничего не видели, не слышали, так что, если вдруг менты... э-э, если вдруг милиция будет спрашивать, он ничего сказать не сможет. А день портить, сказал, не хочет. Да и уезжать он утром собирался. Сказал, что проспится немного и поедет...

- А он много выпил?
- Ну, как все.
- И ничего не видел?
- Ну, если ему верить, то да.
- Где живут Муравлевы?

– В Москве. У них квартира в Москве и дом на Новой Риге. Они то в городе, то за городом...

- Ладно, разберемся. А могу я гостевой дом осмотреть?
- Гостевой дом? Да, конечно. И я с вами, можно?

Костин явно не хотел пускать процесс на самотек, ему хотелось контролировать действия сыщиков. Явно боится упустить какой-то опасный для него момент, подумал Круча, значит, что-то с ним нечисто.

- Хорошо, – согласился оперативник.

Уходя, Костин даже не взглянул на своего мертвого брата, сиротливо лежавшего на мостках... Похоже, между ними действительно пробежала черная кошка. Когда-то. А сегодня ночью эта кошка, возможно, столкнула их лбами. Круча все больше склонялся к такой мысли.

Дорожки были чистыми, и трава на газонах густой, не дававшей земле попасть на обувь. И пруд обложен камнем везде, где только можно, – открытого грунта не заметно. Зато обувь могла запачкать гипсовая пыль и крошка от обезглавленных статуй. Именно на это и рассчитывал Круча, когда шел в гостевой дом. Вдруг кто-то из гостей пытался урезонить разбушевавшегося Вадима? Возможно, молотком по голове.

Прихожая в гостевом коттедже оказалась просторной – со шкафами для одежды, вешалками, ящиками для обуви. Только вещей здесь нет, а из обуви лишь гостевые тапочки. Четыре пары тапочек распечатаны, видно, что ими недавно пользовались. А еще с десятков пар ждали своего часа в прозрачных заводских упаковках. Пол кафельный, чистый, но все-таки можно разглядеть следы от обуви. Однако гипсовой пыли не видно, во всяком случае, невооруженным глазом.

Зато Круча заметил плевков с кровью. Кто-то сплюнул на пол, но попал на стенку в каких-то сантиметрах от плинтуса. Явно в сердцах это сделал. Возможно, после драки, в которой ему или ей разбили нос или губу. Слюна смешана с кровью. Плевков уже подсох, но все-таки он еще свежий. Возможно, этой ночью он и появился.

– Какие-то не очень культурные у вас гости, Евгений Максимович, – рассматривая плевков, предположил Круча. – Нормальные люди в чужом доме не харкают... Признайтесь, Евгений Максимович, ваши гости много вчера выпили?

- Ну, Леня на ногах еле стоял. Миша его уводил...
- Леня этот мог харкнуть?
- Ну, вообще-то, он человек интеллигентный. Но вчера, скажем так, был никакой...
- Он пародонтозом не страдает?
- Да вроде бы нет...
- А гипертония у него есть?
- Гипертония? Давление?.. Ну да, бывает. Он даже в больнице лежал. Ну да, точно, гипертонический криз у него был...

Кровь могла попасть в слюну из больных десен или через носоглотку. Кровотечение могло вызвать высокое давление, но не исключался и удар в нос. Может, Леонид Ковальский подрался с Остроглазовым? Вдруг он сначала обменялся ударами с Вадимом, а потом ударил его молотком по голове? Только в сильном душевном волнении можно было плюнуть на пол в гостевом доме... А может, это не Ковальский сделал, а Муравлев? Или даже сам Костин?

Круча вызвал Краськова, чтобы он занялся плевком, а сам зашел в каминный зал, где на журнальном столике стояла початая бутылка коньяка, три бокала и коробка шоколадных конфет. Один бокал пустой, а два других недопиты. Причем на этих двух бокалах были хорошо видны следы губной помады.

- Я так понимаю, Евгений Максимович, вы провожали гостей сюда, – сказал Круча.
- Да, провожал... Леню помогал тащить...
- И куда вы дели Леню?
- Ну, на кровать положили.
- А куда делась его жена?
- Ну, Мише мало было, он бутылку открыл, жену Лени позвал, и Элла к ним присоединилась. Он и меня звал, но я отказался. Норму свою чувствовал, да и спать хотелось.
- Понятно... Значит, Леня спать лег, а его жена коньяк здесь пила...
- Ну, выходит, что да. Только, я смотрю, они немного выпили.
- Немного, – согласился Круча.

Граммов двести в бутылке не хватало, на троих это пустяк. К тому же, скорее всего, пил в основном только Миша, женщины лишь составили ему компанию. Выпили по чуть-чуть и разошлись по своим спальням.

Круча заглянул в спальню, куда отвели Ковальского. Одеядло на кровати отброшено в сторону, одна половина постели смята, а другая как будто и не тронута. Похоже, что жена Ковальского даже не ложилась в кровать.

На столике трюмо Круча заметил раскрытую женскую косметичку. Губная помада лежала на столике, там же валялась тушь для ресниц, пудра с кисточкой, тональный крем. Похоже, Элла Ковальская не смывала косметику, а, напротив, накладывала ее. Зачем? Почему она спать не ложилась?.. И почему оставила свои вещи, когда уезжала? Спросонья забыла? Или очень спешила?..

Душевая кабинка в ванной на первом этаже использовалась по своему прямому назначению: засохшая мыльная пена на стекле, перевернутый и к тому же открытый шампунь на тумбочке. Вряд ли Ковальский принимал душ. Скорее всего, это купалась Элла. Причем, если судить по перевернутому флакону с шампунем, на ногах она стояла не очень устойчиво. Полотенце лежало на полу, на него Элла становилась, когда выходила из кабинки.

Она вытерлась, надела банный халат, накрасилась, переделась и куда-то ушла. Даже в постель к пьяному мужу не легла... Нет, она еще волосы сушила. На фене, что был установлен в ванной, Круча заметил длинный светлый волос.

- Какие волосы были у Эллы? – спросил он у мнушегося в дверях Костина.
- Почему были? Красивые у нее волосы.
- Темные? Светлые?

– Светлые. Блондинка она. Яркая блондинка.

– Красивая?

– Ну да, губа у Лени не дура... Он на ней лет пять назад женился. Самому уже сорок с небольшим стукнуло, а ей тогда двадцать два года было или двадцать три, точно не помню. Да это и не важно, главное, что молодая. Он мужик при деньгах и с положением, ну, она и купилась...

– Ну и что она, эта Элла, любит его?

– Чего не знаю, того не знаю. Кто ж о таком спрашивает?

– О таком не спрашивают. Такое замечают.

– Ну да, замечают... Я бы не сказал, что Элла от Лени без ума, но и неприязни к нему точно не испытывала. Под ручку с ним ходила, жалась к нему. Глазки никому не строила...

– Точно никому?

– Да нет, не строила...

Круча поднялся на второй этаж. В ванной полный порядок, душевая кабинка начищена и блестела. На трюмо чисто, кровать заправлена, правда, не очень хорошо.

Он велел никого не впускать в гостевой дом, пока обстановку в нем не опишетследователь. И экспертам там есть над чем поработать.

– Мне бы еще хотелось осмотреть комнату вашего брата, Евгений Максимович, – сказал он, сожалея о том, что не начал свой обход с нее. Вдруг экономка Роза уже убралась там – по простоте душевной или по злому умыслу своих хозяев.

Хозяйский дом впечатлял как снаружи, так и изнутри. Огромный холл высотой в два этажа был совмещен с каминным залом. Гранитные полы, мраморные колонны, роскошная лепнина на потолках и стенах, статуи в древнегреческом стиле, амфоры, богатые картины, и все это в ярком свете. Пасмурно на улице, зато здесь, казалось, тепло и солнечно.

Во дворе и в гостевом коттедже Костин казался унылым и подавленным, зато здесь воспрял духом и расправил крылья. Круче даже показалось, что сейчас тот укажет ему на дверь. Но нет, он проводил его в комнату, где должен был провести ночь его брат.

Покрывало на кровати было смято, но простыня и одеяло не тронуты. Видимо, Вадим не разбирал постель, когда ложился. Телевизионный пульт на тумбочке, и больше ничего. В ванной Круча обратил внимание на бритвенный набор, зубную щетку с пастой и распечатанный флакон с мужским «Диором». Значит, Вадим не только телевизор здесь смотрел, он еще и к свиданию готовился.

– Евгений Максимович, а скажите...

Степан осекся. Костина рядом не было. Только что находился здесь поблизости и вдруг куда-то исчез.

Он вышел в малый холл, поднялся по лестнице на второй этаж. Там было с полдюжины дверей, но его интересовала сторона, которая выходила на пруд.

Глава 4

Дверь открылась бесшумно, Костин даже не услышал, как Круча зашел в спальню. Ладонью левой руки он энергично сбивал засохшую грязь со штанины джинсов.

– Евгений Максимович, ну зачем же так?

Круча вырвал у него джинсы, но Костин тут же попытался вернуть их обратно. Лицо искажала гримаса, вылепленная из смешанных чувств паники и гнева.

– Это мой дом! Вы не имеете права!

Послышался треск разрываемой ткани. Судя по всему, это лопались по швам не просто джинсы, а вещественное доказательство.

– Евгений Максимович, мне придется применить силу! – пригрозил Круча.

Но Костин продолжал тянуть одну штанину на себя. Еще чуть-чуть, и джинсы разорвутся надвое.

– Вы не имеете права! Это самоуправство! Я буду жаловаться!

Круча отпустил свою штанину, и Костин, потеряв равновесие, упал, стукнувшись головой о тумбочку. Ускорение он получил значительное, и масса тела у него не маленькая, да еще и стукнулся очень неудачно – виском об угол.

Какое-то время Круча оцепенело смотрел на неподвижное тело. Неужели сломалась височная кость? Неужели смерть? Он опустил перед Костиным на одно колено, когда вдруг открылась дверь.

– Что вы наделали? – послышался истошный женский крик.

– Ничего страшного, будет жить.

Он уже нащупал пульс и теперь мог надеяться на благополучный исход.

– Я спрашиваю, что вы сделали? – возмущенно смотрела на него Серафима Яковлевна.

– Ну, чего стоите, «Скорую» вызывайте!

Женщина в панике убежала, а Степан поднял с пола злополучные джинсы и вскоре понял, чего так боялся Костин. Это была его одежда, и на ней смутно виднелся гипсовый след. И еще он осмотрел правую голень Костина. А там синяк. Видно, это Вадим швырнул в него кусок от гипсовой головы, которая испачкала штанину и ушибла ногу. Неудивительно, что Костин разозлился на своего сумасшедшего брата.

Круча достал из кармана телефон, вызвал к себе Синицына и Шульгина.

– Ой, как больно!

Костин пришел в себя, с трудом оторвал спину от пола, сел, обхватив руками ушибленную голову. В это время вернулась его жена:

– Женя! Женечка! Что с тобой?

Всполошенная Серафима села рядом с ним, обняла его и полыхнула взглядом в сторону Кручи.

– Кто дал вам право распускать руки? Вы за это ответите!

– «Скорую» вызвали?

– Не ваше дело!

– В больницу его надо везти. Возможно, ушиб головного мозга. Возможно, с кровоизлиянием. Лучше на «Скорой» отправьте, так без проволочек будет.

– У вас забыла спросить!.. Я вам такое устрою!

– Я вас прекрасно понимаю, Серафима Яковлевна. Но спрашивать у меня надо. Потому что мне нужно знать, в какую палату положат вашего мужа. Надо будет охрану выставить.

– У него своя охрана!

– Вы не так меня поняли. Вашему мужу нужна будет другая охрана. Чтобы он не сбежал.

– От кого он может сбежать? – непонимающе смотрела на него женщина.

– Ну не от вас же... Ваш муж подозревается в убийстве гражданина Остроглазова, и его придется взять под стражу. Возможно, суд изменит меру пресечения. Мой вам совет – не поспешите на хорошего адвоката, он вам сейчас очень нужен...

– Командир, не убивал я Вадима! Не убивал! – простонал Костин.

В это время в комнату зашел следователь Синицын:

– Что такое, товарищ подполковник?

– Да вот, Гриша, гражданин Костин пытался уничтожить улику...

Он показал гипсовую отметину на штанине:

– Потерпевший перед смертью скульптуру разбил, а отбитый кусок в своего брата швырнул. В ногу попал. Там у него гематома на ноге. Надо будет снять побои, приобщить к делу.

– Сделаем.

– Не убивал я Вадима! – Костин в отчаянии мотнул головой, но едва не лишился чувств от сильной боли.

– Ваше поведение, Евгений Максимович, свидетельствует об обратном.

– Что мое поведение?... Ну да, видел я, как Вадим бил мои статуи!

Степан вынул из кармана маленький цифровой диктофон, включил, а возвращать на место не стал.

– Видели?

– Видел.

– Вы же спать легли?

– Да вот проснулся!

– Когда это было?

– Ой, не могу больше! – зажмурился от боли Костин.

Круча видел его глаза и верил, что ему действительно больно. Уж очень он неудачно упал. Хорошо, что углы у тумбочки закругленные, иначе могло быть гораздо хуже, вплоть до летального исхода.

– Давай-ка, Евгений Максимович, на кровать.

Он помог Костину лечь на кровать, а Серафима отправилась за обезболивающим. Принесла таблетку кетанова и стакан воды.

Круча пожал плечами. Возможно, в таких случаях больному нельзя ничего давать без назначения врача, но если жена Костина не боится брать на себя ответственность, то останавливать он ее не будет. Хотя предупредить, пожалуй, надо.

– Серафима Яковлевна, у вас есть медицинское образование?

– Экономическое у меня образование.

– Тогда, может, вам не стоит заниматься самолечением? Может, лучше дождаться врача?

– Машина из клиники пока доедет, часа два может пройти.

– Из клиники?

– Да. Из частной. У Жени «золотая» страховка.

– Понятно.

В России тоже появилось очень качественное медицинское обслуживание. Но не для всех. А для тех, кто в состоянии платить хорошие деньги за медицинскую страховку. Костин может позволить себе такую роскошь, поэтому его заберет особая «Скорая помощь» для вилл-клиентов. Но ведь это долго, пока машина из Москвы доедет, а потом еще и обратный путь. Что, если у Костина очень серьезная травма и он не доживет до операционного стола?

– У вас, Серафима Яковлевна, такая же страховка?

– Да. Но мне помощь не требуется. Разве что от вас. Но это к прокурору надо обращаться, да? – совсем невежливо спросила она.

– Как вам будет угодно. Я вашего мужа не толкал, он сам упал. Когда пытался вырвать у меня вещественное доказательство. Возможно, доказательство его вины.

– Женя не убивал Вадима. Неужели вам это не понятно? – Костина смотрела на Кручу, как учительница на беспросветного двоечника.

– А кто его убил?

– Я не знаю.

– А что вы знаете?

– Я знаю, что мы проснулись от шума. Женя поднялся, выглянул в окно и увидел, как Вадим ломает его харит. Он оделся, вышел во двор.

– Когда это было?

– Ночью.

– Я понимаю, что ночью. В каком часу?

– Так, сейчас. Я ведь на часы глянула. Да, это было без двадцати... – с трудом вспоминала Серафима. – Нет, в тридцать пять минут второго. Где-то так... Я пошла за Женей, я все видела.

– Что вы видели?

– Я видела, как Вадим бросил в Женю кусок головы. Видела, как Женя его ударил.

– Куда? Чем?

– Кулаком, – отозвался Костин. – В нос.

– А молоток где был?

– Я не знаю. Он без молотка уже был, когда я подошел. Он стоял с обломком головы в руке, как тот Гамлет с черепом... Я его давно таким пьяным не видел... Я его спросил, что ты делаешь, а он в меня обломком швырнул. Больно было, я его ударил. А потом за шкирку схватил и в дом увел.

– Да, в дом увел, – подтвердила Серафима. – Мы его в комнату отвели. Надо было Гену к нему приставить.

– Гену? Какого Гену?

– Охранники у нас, три человека, они посменно дежурят.

Круча кивнул. Он видел у въездных ворот небольшое кирпичное строение, там в униформе стоял рыжеволосый парень. Он и ворота открыл, и показал, где машину поставить. А к пруду, где плавал труп, их подвел хозяин дома.

– Вчера Гена дежурил. Надо было Вадима ему под надзор отдать.

– Почему не отдали?

– Да Женя сказал, что не надо охраннику показывать наше грязное белье.

– Грязное белье?

– Ну, в смысле сор из избы выносить не надо, – замялась Серафима. – Все-таки Вадим его брат, а Женя его ударил...

– Ну, ударил и ударил, что здесь такого?

– Так Вадим гадости всякие говорил!

– Какие гадости?

– Это наше семейное, – еще больше смутилась женщина.

– Семейное грязное белье, да?

– Ну, не грязное...

– Фим, ну что ты такое говоришь? Какое белье? Какой сор? – Костин кривился и от боли, и от недовольства собственной женой. – И зачем нужен был какой-то Гена, если я сам справился с Вадимом? Он лег и заснул.

– Где лег?

– У себя в комнате.

– А почему он оказался в пруду?

– Не знаю. Мы с Фимой легли спать. А утром я проснулся, обход хотел сделать, смотрю, он в пруду плавает...

– А молоток куда делся?

– В пруду молоток.

– Вы откуда знаете, что в пруду? – хлестко спросил Круча.

На какое-то время Костин лишился дара речи. Понял, что прокололся, потому и хватил его шок.

– Как откуда знаю? – наконец выдавил он из себя. – Вы же сказали, что в пруду молоток. Что жировые отпечатки убийцы на нем...

– Я сказал, что, возможно, молоток в пруду...

– Ну, и я сказал, что возможно.

– Да нет, не говорили вы так... Мой вам совет, Евгений Максимович, признайтесь во всем чистосердечно. Можете даже сказать, что приревновали брата к своей жене. Скажите, что ударили его в состоянии сильного душевного волнения. Что не хотели его убивать...

– Так он действительно гадости о моей жене говорил!

Костин разволновался так, что забыл про головную боль. Круча поймал на себе одобри- тельный взгляд Синицына. Следователю понравился сделанный им ход.

– Он кричал, что все бабы твари! – разошелся Костин. – Аглая, говорит, тварь! Изящная, сказал, но все равно тварь. Голову, сказал, долой. Евфросинья, сказал, прелестная, но тварь такая, что клейма ставить некуда. Потому и ей голову отбил. Талия, говорит, красивая, но тоже тварь...

– А при чем здесь ваша жена?

– Он и про мою жену говорил в том же тоне...

– Что именно он говорил?

– Оскорблял ее, унижал. А как именно, я не скажу...

– Ваше право, Евгений Максимович. Значит, он оскорбил вашу жену, а вы ударили его за это молотком?

– Не бил я его молотком... Он когда кусок головы в меня бросил, я на дорожку выскочил, на молоток наступил. Он на дорожке лежал. Вы, товарищ подполковник, видели вмятину на камне, это Вадим так молоток с психу швырнул...

– В вас швырнул?

– Нет, вообще... Я когда к нему подошел, он и головы уже отбил, и молоток швырнул. Он на дорожке стоял, а когда меня увидел, к разбитым статуям пошел. Схватил кусок и в меня швырнул...

– Зачем?

– Испугался... Я ведь молоток поднял, с молотком был. Он думал, что я его ударю... Кусок отбитой головы в меня кинул, хорошо, у него с руки сорвалось, так бы мне в лицо попал. Но все равно больно было...

– Больно было, а в руке молоток, да?

– Да я и сам думал, что ударю его молотком. Но не ударил. В воду его кинул. От греха подальше. А ударил Вадима кулаком. В нос. И в дом отвел...

– Кто может это подтвердить?

– Я могу, – кивнула Серафима.

– Ну, это я уже понял.

Круча прекрасно понимал, что Костина пойдет на все, чтобы спасти своего мужа от нака- зания. Нет, ей верить нельзя.

– Я так понимаю, что дом ваш охраняется. Видеокамер я во дворе не видел, но, может, плохо смотрел?

– Нет видеокамер, – сказал Костин. – Сразу не подумал, потом все собирался, да руки не дошли. Да и зачем, если охранник у нас круглосуточно, ружье у него помповое? Он двор время от времени обходит, собак на ночь спускаем.

– Вчера собак не спускали?

– Чтобы они гостей порвали? Нет, конечно. В вольере псы.

– А охранник обходил двор?

– Ну, должен был. Только не видел я его.

– А ваша экономка, где она в это время была?

– Да у Розы надо спросить, – закивала Костина. – Вадим шумел очень, она должна была слышать...

– Серафима Яковлевна, вы остаетесь здесь, смотрите за своим мужем. И ждете, когда за вами приедет машина.

Круча многозначительно глянул на Шульгина, и тот кивнул. Дима понял, что ему нужно присмотреть за Костинными, чтобы они не повлияли на свою прислугу, не объяснили им, какие показания давать. Если, конечно, это уже не произошло.

Глава 5

Женщина действительно чем-то напоминала розу. Высокая пушистая прическа, большая голова и тонкое, как стебель, тело. И еще у нее щеки были красные, как у ребенка при диатезе.

Нет, голова у нее не шире тела, совсем не такая пропорция, как у бутона в сочетании с цветочным стеблем, и все равно аналогия хоть и смутно, но просматривалась. Лицо широкое, но вполне симпатичное. И красные щеки не очень портили ее. А уж стройное тело женщину испортить никак не могло.

– Роза, у меня к вам пара вопросов, – начал Круча, внимательно наблюдая за ее глазами.

– А Серафима Яковлевна где?

– При чем здесь Серафима Яковлевна? У нее своя жизнь, у вас, Роза, своя. Если ее посадят, вы же не пойдете за ней в тюрьму? Вам же это не нужно?

– Как это посадят? За что? – разволновалась женщина.

Но Круча взял паузу. Неторопливо, в раздумье он осматривал комнату, в которой обитала служанка. Это должно было вызвать у Розы мысль, что ее тоже в чем-то подозревают. Ничто не выводит человека из равновесия так, как атмосфера неизвестности и опасности.

К тому же он действительно хотел ознакомиться с обстановкой, в которой жила Роза. Комната у нее небольшая, но с дорогим ремонтом и хорошей мебелью, плазменная панель на стене. И еще внимание Кручи привлекло множество цветов – они стояли на подоконнике в горшках, на подставках, висели на стенах. Зелени много, только дышать было почему-то тяжело. Может, потому, что сигаретным дымом пахнет? Да нет, запах табака слабый. Возможно, цветы в комнате подобраны неправильно и углекислого газа выделяют больше, чем кислорода.

– Я так понимаю, вы здесь давно живете, – сказал он и нежно провел пальцем по листу фикуса.

– Да, уже три года. А что?

– Нравится?

– Да ничего, жить можно... А вы что, Серафиму Яковлевну сажать будете?

– А есть за что?

– Да что вы такое говорите! Серафима Яковлевна мухи не обидит!

– А Вадима Остроглазова кто обидел?

– В каком это смысле?

– Ну, кто мог его убить?

– А, это!.. А его разве убили? Разве он не сам утонул?

– Да нет, не сам...

– Как же так! Я думала, что сам утонул. Все подумали, что сам.

– И кто же так считает?

– Ну, Евгений Максимович! Бегал тут по дому. В милицию звонил. Серафима Яковлевна тоже так думала. Беда, говорит, Роза, Вадим утопился...

– Утонул или утопился?

– А что, есть разница?

– Тонут не по своей воле, а топятся по своей. Так утонул или утопился?

– Ну, я точно не помню, как она сказала.

– А из-за кого мог утопиться Вадим? Из-за Серафимы Яковлевны мог?

– Почему из-за нее?

– Ну, может, он пытался ее у брата отбить? Пытался, а она его послала далеко и лесом.

– Кто пытался Серафиму Яковлевну отбить? Вадим Павлович у Евгения Максимовича?!

Ну, я не знаю. У них там так все запутано...

- Что запутано?
- А что запутано? – спохватилась Роза.
- Я не знаю, что запутано. Вы сказали, что запутано.
- Я сказала? Может, вам показалось?
- Может, и показалось, – пожал плечами Круча.

Роза поняла, что говорить о семейных тайнах Костиных без их ведома нельзя. Потому и замолчала. Но ведь она что-то знает. Значит, был какой-то гордиев узел, который Евгений Максимович разрубил одним взмахом тяжелого молотка.

- Я не знаю, кто кого там у кого мог отбивать, – заключила Роза.
- А кто кого убить мог, вы знаете?
- А кто кого убил? – ясными, как слеза младенца, глазами посмотрела на него женщина.
- Ты вчера после застолья в доме убиралась? – перешел на «ты» Круча.
- Да, убиралась, конечно.
- Когда закончила?
- Ну, часам к двенадцати...
- А чего так быстро?
- Так они рано начали. Хорошо пошло и догнало быстро. Они в десять вечера уже лыка не вязали...
- А Вадим Остроглазов как себя вел?
- Да пьяный был. Все пьяные были. Говорю же, слишком разогнались.
- А Костин как себя чувствовал?
- Ну, он тоже хорошо выпил. Спать рано лег. Всех отправил и лег спать.
- Кого всех? Куда отправил?
- Ну, гостей в гостевой дом. А Вадима Павловича в гостевую комнату. Всех развел и лег спать. Ну и Серафима Яковлевна с ним. А что такое?
- Да ничего, Роза, ничего. Просто интересно. Ты тоже спать легла?
- Да, конечно. А что еще делать?
- Ну, мало ли, девушка ты красивая, а Вадим Павлович – парень холостой.
- Ой, да что вы такое говорите! – еще больше раскраснелась Роза.
- Ну, я понимаю, ты девушка порядочная, а он ведь не подарок. Может, к тебе ломился, а ты ему отказала?
- Да нет, не ломился!
- А вдруг? Кто-то ж ему в любви отказал, вот он и пошел статуи крушить.
- Так это он все там разбил? – охнула женщина.
- Он, Роза, он. А ты что, не знала? И ничего не видела?
- Нет. Я сплю крепко. – Женщина едва заметно отвела в сторону взгляд.
- А может, все-таки видела? Так бы хозяев своих спасти могла бы.
- А что делать надо? – вскинулась Роза.
- Чтобы спасти их?.. Правда нужна, чтобы их спасти.
- Какая правда? Может, я и видела что-то...
- Что видела?
- Ну, как Вадим статуи крушил...
- Чем он их крушил? И кто его остановил?
- Может, Гена?
- А Евгений Максимович говорит, что это он остановил Вадима. Остановил и домой привел.
- Да? Так он его и остановил. И домой привел...
- Ты это видела? Когда это было? В какое время?
- Ну, я не помню...

– Может, ты помнишь, что бывает за дачу ложных показаний?

– А что бывает? – вытянулась в лице Роза.

– Уголовное наказание бывает. В тюрьму сядешь, вот что. Тебе это надо? Говори, что видела?

– Ничего не видела.

– Евгений Максимович утверждает, что это он Вадима обратно домой привел.

– Да, слышала я какие-то голоса... Ночью это было...

– Роза, дача ложных показаний – статья серьезная.

– Но я действительно слышала. Голоса чьи-то были. Кто-то из дома вышел, потом зашел. Голоса... Но кто там с кем разговаривал, я не разобрала...

– А почему не вышла? Не посмотрела?

– Ну... – Роза почему-то посмотрела на постель. – Так меня ж никто не звал. Меня обычно зовут, если что-то нужно. А если не зовут, то и соваться нечего. Может, потому и не позвали, что я там была лишней. Может, у них там тайны какие, мне зачем об этом знать?

– А у тебя тайны есть?

– Может, и есть, вам-то что?

– Ты была у себя в комнате не одна?

– Ну что вы! Конечно, одна! – встрепенулась она.

– Ты куришь?

– Нет.

– А сигаретами почему пахнет?

– Сигаретами? Разве?..

Под стулом блеснул какой-то металлический предмет. Круча не поленился нагнуться, поднять его. Это был обломок поясной пряжки.

– Что это?

– Не знаю. – Роза стыдливо опустила глаза.

– Все-таки не одна ты была.

– Да нет, одна... Честное слово, одна!

– Хорошо, я тебе поверю. И ты мне верь. Верь, что за дачу ложных показаний можно сесть надолго.

– Я вам верю. Но я правда слышала голоса. Сначала вышел кто-то, потом вернулся.

– Голос Вадима Остроглазова слышала?

– Ну, я точно не скажу. Далеко было.

Гостевая комната находилась в районе малого холла, недалеко от входных дверей. А комната Розы размещалась в глубине дома, в небольшом промежутке между каминным залом и кухней, куда выходила дверь. Отсюда действительно сложно было услышать голос Вадима, если даже он кричал на брата из своей комнаты.

Окна служебной комнаты выходили на передний двор, из нее хорошо была видна кирпичная сторожка, вдоль которой прохаживался рыжий Гена. Униформу он уже снял, переоделся в джинсовый костюм. Парень, как челнок, ходил взад-вперед, поглядывая на часы. И еще штаны поправлял. Спадают с него джинсы. Интересно, в чем причина? Подполковник Круча с улыбкой посмотрел на обломок пряжки.

– А может, это Гена по дому ходил? – спросил он.

– Гена? Какой Гена? – Роза встрепенулась так, как будто ревнивая жена застучала ее со своим мужем.

– Охранник. Вон он ходит, штаны подтягивает.

Круча легонько обнял женщину, показывая на парня. Доверительно обнял, без всякого умысла.

– Молодой, горячий.

– Почему горячий?

– А ходит как горячий жеребец – резко, порывисто, да? А ты, Роза, что подумала? Может, он в постели горячий?

– Кто сказал?

– Ну, мне кажется, что ты так подумала...

Гена остановился, озадаченно почесал затылок, рассеянно оглянулся, достал сигарету. Негожий он охранник, толку от него никакого. А если он еще по ночам спит с экономкой, то дело совсем дрянь.

– Смотри, закурил, – усмехнулся Круча. – Что у него там, «Золотая Ява»? А я думаю, чем здесь пахнет? Точно, «Золотая Ява»... И штаны у него спадают. А знаешь, почему?

Он разжал руку и показал обломок пряжки.

– Ну что, признаваться будем? Тебе же не нужна очная ставка?

– Это как?

– Позовем твоих хозяев, посадим тебя на один стул, Гену на другой и начнем перекрестный допрос. Где вы были и что делали в такое-то время? В общем, узнает Евгений Максимович, чем вы тут занимались... А так, может, и не узнает. Ты сама подумай, зачем я буду ему говорить, что ты крутила любовь с охранником?

– Почему крутила? Может, это правда любовь? В меня что, по-вашему, влюбиться нельзя? – с обидой и одновременно с вызовом посмотрела на Кручу женщина.

– Почему нельзя? – в недоумении вскинул брови Круча. – Можно! Даже нужно. Я же говорил, что девушка ты красивая. Не будь у меня жены, я бы за тобой приударил...

– Ага, все так говорят, – вздохнула Роза.

– Кто так говорил? Вадим?

– Вадим? Нет, он не говорил. Да и не женат он. А на меня и не смотрел совсем. Зачем я ему такая?

– Какая?

– Красивая, говорите... Нет, я некрасивая.

Роза посмотрела на него с надеждой. Он не должен был соглашаться с ее столь критическим к себе отношением. В ее взгляде отчетливо читалась просьба: она хотела, чтобы он вслух опроверг ее признание.

– Это Вадим тебе сказал?

– Нет, он не говорил... Он на меня даже не смотрел...

– Может, Вадим просто не той ориентации? Вот я бы на его месте мимо тебя не прошел, – задорно улыбнулся Круча.

– Не той ориентации? – не без желания принять такую версию задумалась она. – Да нет, он женщин любил. С Серафимой Яковлевной у него роман был. Ой! – Роза шлепнула по раскрытым губам ладошкой, будто наказывая себя за неосторожность.

А ведь это было не первое побуждение с ее стороны пролить свет на запутанность отношений в треугольнике «Костин – Костина – Остроглазов».

– Роман? Роман – это интересно.

– Да, да, у нас с Геной роман, – закивала Роза. – И все у нас очень серьезно. И его не смущает разница в возрасте. Мне тридцать четыре, ему двадцать шесть, но он все равно любит меня и хочет жениться...

– С чем я тебя и поздравляю. Только разговор сейчас не о вашем романе. Меня интересует роман Вадима с Серафимой Яковлевной.

– А я не знаю ничего такого! – Она смотрела на него дурными глазами. – И ничего такого не говорила! Вам показалось!

– Да нет, не показалось. Значит, между Вадимом и Серафимой Яковлевной был роман? Поэтому Евгений Максимович и убил Вадима, правильно я понимаю?

– Что вы понимаете? Ничего вы не понимаете! – разволновалась Роза. – Не мог Евгений Максимович убить своего брата! И романа никакого не было. Может, и был, но давно.

– Когда давно?

– Ну, давно. Я не знаю. Вы спрашивали, какая ориентация у Вадима. Так я вам скажу. Нормальная у него ориентация. Он зимой сюда приезжал, и не один, а с подружкой. Очень красивую девушку с собой привез. И необычную... А в чем ее необычность, спросите вы?

– В чем ее необычность, спрашиваю я? – улыбнулся Круча.

– В том, что она очень была похожа на Серафиму Яковлевну. Нет, не копия, конечно, отличия были, но черты лица такие же тонкие, и худенькая очень... Я слышала их разговор, Вадим у Серафимы спросил, как ей его Лиза нравится. Сказал, что она такой же молодой и красивой была. Серафима ответила, что она и сейчас молодая и красивая. Он согласился, но сказал, что с Лизой он спит, а с ней – уже нет. Сказал, что Лиза такая же молодая, какой была она, когда они спали вместе...

– А когда они спали вместе?

– Ну, давно... Так давно, что уже и неправда. Это сама Серафима Яковлевна так сказала. Это, говорит, так давно было, что и неправда...

– А он что?

– А Вадим сказал, что помнит все так, как будто это вчера было. И все это правдой было, сказал... Она послала его к черту и ушла. Вот и все, что я знаю.

Разговор этот показался Круче интересным, и ему захотелось прощупать обстановку, в которой он состоялся.

– Больше они на эту тему не говорили?

– Ну, может, и говорили, но я ничего не слышала. При мне свои тайны они, как вы понимаете, не обсуждают.

– А про Лизу ты что знаешь?

– Да ничего... Она из гостевой комнаты почти не выходила. Тихая такая, скромная. Хотя в баньку с Вадимом сходила. Долго они там были... Распаренная такая пришла, глаза сияют... Но это их личное дело, правда?

– Святая правда, – кивнул Степан Степанович. – А как найти эту Лизу, ты не знаешь?

– Ну, может, у него живет, у Вадима. Хотя вряд ли. Он женщин как перчатки меняет. Эгоист он. Самовлюбленный эгоист.

– Ты так думаешь?

– Да, я тоже так думаю.

– А кто еще так думает?

– Серафима Яковлевна. Она так и сказала ему, что он – самовлюбленный эгоист.

– Когда она ему это сказала?

– Ну, тогда и сказала, когда он Лизу свою привез. Мне кажется, она очень разозлилась на Вадима.

– А вчера она не злилась?

– Нет. Ну, может, и злилась, но виду не подавала.

– Так, с этим ясно. Но давай вернемся к твоим отношениям с Геней. Я правильно понимаю, что ваши отношения зашли очень далеко?

– Да, правильно понимаете, – зажеманилась Роза.

– И где вчера ночью был Гена?

– Ну, в дежурке у себя, – отвела она в сторону взгляд.

– Он курил, а у тебя было открыто окно, и табачный дым попадал к тебе в комнату, так? И обломок этой пряжки тоже залетел в окно? Роза, давай начистоту! Дело серьезное. В доме произошло убийство. И, возможно, Вадима Остроглазова убил твой Гена.

Круче пришлось пойти на хитрость, чтобы спровоцировать Розу на признание. Хотя... Вадима Остроглазова действительно мог убить охранник Гена. Или у него могли быть на то свои причины, или он исполнял волю хозяина.

– Гена?! Убил Вадима?! – оторопела Роза. – Зачем ему кого-то убивать?

– Я не знаю. Но обязательно это узнаю.

– Ну, может, кто-то и убивал. Но Гена здесь ни при чем! Он всю ночь со мной был.

– Всю ночь? А так можно?

– Нет, конечно, – растерянно захлопала глазами Роза. – Но дело в том...

Казалось, она вот-вот расплачется.

– Но дело в чем? – поторопил ее Круча.

– Он сказал, что все пьяные, что никому до нас нет никакого дела. Да он и сам выпил.

Ну, немного. Совсем чуть-чуть. Сто граммов для храбрости, вот!

– А от него что, требовался подвиг?

– Так он мне в любви признавался, – с радостью во взгляде смутилась женщина.

– Ну, это меняет дело. Признался?

– Признался.

– И остался с тобой на ночь.

– А что здесь такого? Мы же взрослые люди.

– Так никто и не отрицает. И когда он к тебе пришел?

– Ну, я убралась, и он пришел. Я вам даже время скажу, это было в начале первого ночи.

Минут двадцать первого, где-то так.

– Вы слышали, как Вадим выходил во двор? Как за ним выходил Евгений Максимович?

– А когда это было?

– Примерно в половине второго ночи.

– Нет, что вы! Не могли мы слышать. Шумно у нас было, – смутилась Роза.

– Музыка играла? – подсказал Круча.

– Ага, музыка, – стыдливо улыбнулась она.

– И долго играла?

– В два часа мы уже спали. Ну, день тяжелый был. И все такое... Сначала Гена заснул, потом я с ним в обнимку. А под утро он меня разбудил, – мечтательно улыбнулась она.

– Когда он от тебя ушел?

– Ну, в шестом часу.

– И что, за всю ночь он ни разу не обошел территорию?

– Нет, – опустила голову Роза. – Только вы Евгению Максимовичу не говорите.

– Да Евгений Максимович и сам все знает. Знает, что лодыря твой Гена гонял...

Возможно, Костин знал, где находится его охранник. Знал, что никто не видит его, когда он убивал Вадима Остроглазова. Отсутствие охранника на посту развязало ему руки. А может, он сам и отправил Гену к Розе?

В любом случае надо было допросить Гену. Но, увы, к тому времени, когда Круча вышел из дома, уже произошла смена караула. Гена дождался своего сменщика и уехал домой. Но почему он тогда не попрощался с Розой?

Глава 6

Яркие солнечные лучи прорезали тонкий тюль и слепили глаза. Серафима могла бы отвернуть голову, но тогда ей пришлось бы смотреть на Женю.

Парень он, в общем-то, симпатичный, и язык у него подвешен – не стыдно с ним пройти перед девчонками. Но сейчас она смотреть на него не могла – глаза у него горели похотливым огнем, щеки пылали, рот был перекошен от возбуждения. И еще от него неприятно пахло чесноком.

Он долго шел к сегодняшнему дню – ухаживал за ней, встречал ее у института, дарил цветы, провожал домой. Они вместе ходили в театр, кино, даже в ночных клубах бывали. Женя хороший парень, сильный, с ним спокойно и безопасно. И она совсем не прочь была связать с ним свою жизнь. Тем более что он уже давно сделал ей предложение руки и сердца.

Они уже полгода вместе. И только сегодня Серафима подпустила его к своему телу. Он разгорячен, его пальцы ласкают соски, язык нежно скользит по животу вокруг пупка. Ее одежда аккуратно сложена на спинке кресла, на ней нет даже фигового листка. Еще совсем немного, и она станет женщиной. Она к этому готова, только солнце светит слишком ярко. И смотреть на своего избранника неохота... Может, закрыть глаза и отдаться во власть ощущений?

Действительно, на месте Жени можно представить его брата Вадима, этого жгучего брюнета с колдовскими глазами...

– Задвинь шторы! – попросила Серафима.

– Любой каприз!

Женя ловко перепрыгнул через нее, соскочил с дивана, подошел к окну. Но и она не осталась лежать, поднялась, схватила одежду и скрылась в ванной.

Серафима оделась, поправила прическу, подкрасила губы и вернулась в комнату. Женя сидел в кресле в тунике из простыни и грустно смотрел на нее.

– Извини, я не так себе все это представляла, – развела она руками.

Ей уже девятнадцать, и у нее до сих пор не было секса. Подружки с курса уже посмеивались над ней, дескать, никому она не нужна. Но ведь это не так. Жене она нужна. И он очень ее хочет. Так что комплекс не востребованности отпадает. И нет смысла торопить события. А на девчонок плевать.

– Я хочу, чтобы это случилось в первую брачную ночь.

– Я понимаю, – натянуто улыбнулся Женя.

– Ничего ты не понимаешь...

Она должна была доказать своему парню, что у нее до него никого не было. Он бы увидел кровь на простыне и все бы понял... К тому же он так долго ее домогался, что нельзя было дальше томить его. Серафима все это понимала, но...

– Давай потерпим до свадьбы! – попросила она.

– Давай.

– Совсем немного осталось.

Свадьба назначена на осень, на октябрь, отец так захотел. Он у Серафимы потомственный крестьянин, и в его понимании свадьбу полагалось играть после сбора урожая. А с отцом спорить бесполезно – как он сказал, так и будет.

– Всего полтора месяца потерпеть надо.

– Ничего, я тебя всю жизнь терпеть собираюсь, – улыбнулся Женя. – А тут каких-то полтора месяца...

– Ты меня терпеть собираешься? – возмущенно вскинула она брови.

– Ну, может, я не так выразился, – ничуть не смутился он. – Может, потому, что самого себя терпеть собираюсь. Себя терпеть, рядом с тобой.

– Может, мне тоже выразиться? Нецензурно...

– Я серьезно. Понимаешь, я уже взрослый, мне двадцать восемь лет. И я себя хорошо знаю. Бабник я по своей натуре. И женщины у меня были. Не скажу, что много, но были...

Серафима сердито смотрела на него. Она понимала, зачем Женя все это говорит. Не вышло у него с ней, не позволила она ему сорвать свой цветок, вот он и пытается ее уколоть. Хотя и делает вид, что с пониманием относится к ее отказу. Потому она и возмущена, но молчит, не перебивает его.

– Но все это в прошлом, – продолжал он. – Теперь у меня есть ты, и только ты. Я тебя всегда буду любить. Но одной любви мало. Я знаю мужиков, которые очень любят своих жен, но изменяют им. Потому что бабники по жизни. Такие же бабники, как и я. Но я обещаю, что никогда не изменю тебе.

– Будешь терпеть?

– Да, если дело дойдет до того, буду терпеть.

– До чего дойдет дело?

– До другой женщины.

– У тебя может появиться другая женщина?

Серафима не очень хотела видеть Женю в своей постели, ей не нравилось, как от него пахнет, но при этом она уже боялась его потерять. Потому и разволновалась.

– Все может быть. Но я клянусь тебе, что у меня ничего ни с кем не будет. Только с тобой. Всегда. На всю жизнь.

– А если ты меня вдруг разлюбишь?

Женя должен был сказать, что такого никогда не случится, но Серафима услышала от него другое.

– Все равно я буду с тобой.

– А ты можешь меня разлюбить?

– Но ты же меня не любишь. – Он смотрел на нее с улыбкой, но немигающим взглядом.

– Я тебя не люблю? – оторопела она.

– Нет, не любишь. Ты просто меня терпишь...

– Женя, ты не должен так говорить! – сказала она, пытаясь за бурным возмущением скрыть свое смятение.

Ведь он был прав: она не любила его. Терпела, но не любила. И готова была терпеть всю жизнь. Потому что Женя нравился ей как человек. Потому что больше никто не предлагает ей замуж.

– Не должен. Но говорю. Самому себе говорю. А ты ничего не слышала, правда? – мило улыбнулся он.

– Да, я ничего не слышала! – согласилась она, чтобы уйти от этого тягостного для них обоих разговора. – И слышать ничего такого не хочу.

– Ты выйдешь за меня замуж?

– Да, конечно! Даже не сомневайся!

– Что ж, тогда у меня есть шанс. Как говорится, стерпится – слюбится...

– Женя! Мы же договорились!

Она должна была сказать, что любит его. Ведь это так просто. Но нет, язык не поворачивается. Оказывается, легче сесть к нему на колени, раздвинуть ноги, чтобы он мог просунуть руку ей под юбку...

Он должен знать, как дорог ей. Слова любви застряли где-то в горле, зато Серафима снова готова пожертвовать своей мечтой ради него. Она хотела, чтобы это случилось в первую брачную ночь, но раз так надо, пусть все произойдет прямо сейчас...

Но Женя не воспользовался ее покорностью. Ему нужна была ее любовь, а жертву он от нее принимать не хотел...

* * *

Двенадцать лет прошло с тех пор.

– Жень, я люблю тебя... Ты даже не представляешь, как я тебя люблю!

И Серафима ничуть не лукавила, признаваясь мужу в любви. Стерпелась она, потому и слюбилась.

Женя кивнул, думая о чем-то своем. Двенадцать лет назад он бы прыгал от счастья, услышав такое признание, а сейчас ему как будто все равно. Ну да, плохо ему, сильный ушиб в области виска, сотрясение мозга...

Его уже отвезли в клинику, сделали рентген и томографию, назначили лечение. Ничего страшного, жить он будет. Сейчас главное – избежать осложнений, а для этого нужен больничный режим.

Палата у него отдельная, но есть вторая кровать и Серафима может остаться с ним на ночь. С врачом она договорилась.

А охраны возле палаты, как обещал подполковник Круча, нет. Женю подозревают в убийстве, но пост пока не выставили. Может, людей для этого не хватает, может, улик у следствия недостаточно, чтобы взять его под стражу.

– Жень, а ты правда молоток в пруд кинул? – спросила она.

Вчера Серафима перебрала со спиртным, поэтому с трудом продрала глаза, когда услышала, как Женя за окном ругается с Вадимом. Нет, она не выходила из дома, она через открытое окно видела, как Женя тащил своего брата домой. Тот упирался, а он тащил его домой, схватив за грудки. Пьяный Вадим требовал, чтобы Женя его отпустил, но все-таки шел за ним.

Женя уложил Вадима на кровать, вlepил ему пощечину, чтобы сбить истерику. Вот это Серафима уже видела, потому что спустилась вниз. И Вадим ее увидел. Паскудно ухмыльнулся и назвал ее шлюхой. И тут же снова получил по морде.

Нос у него крепкий, поэтому кровь не хлынула. Зато выплеснулся словесный понос. Он сказал, что все женщины шлюхи. Сказал и зашелся в истерическом хохоте. Женя снова ударил его ладонью по щеке, и Вадим успокоился. Повернулся на бок и затих. Они думали, что он заснул. И сами отправились спать. А утром Женя обнаружил его труп...

– Ну да, кинул. Метил в Вадика, а попал в пруд. Промазал, – мрачно усмехнулся Женя.

– Ты кидал молоток в Вадика? А если бы ты в него попал?

– Ну, не попал же.

– Ты же мог его убить!

– А если он у меня уже в печенках сидит! Я же знаю, что у тебя было с этим козлом перед нашей свадьбой! – Женя зло глянул на Серафиму.

И она опустила глаза, не в силах выдержать его взгляд. Она помнила о своей вине перед ним...

* * *

Невеста может не жаловать своего жениха, но при этом она, как правило, влюблена в свою свадьбу. Серафима стояла перед зеркалом и любовалась собой. Подвенечное платье на ней смотрелось изумительно, фата не могла скрыть большие черные, пронзительные глаза... Она всей своей женской сущностью понимала, как прекрасно выглядит в этом наряде.

Так и не было у нее секса с Женей, так и не стала она женщиной. Зато у Юльки трое было, а у Лильки – четверо. Обе они такие вальяжные, столько самомнения в них, что порою становилось тошно. Ну да, умные они, жизнью искушенные, да только незамужние. Много у них мужиков, да только под венец никто не зовет. А у Серафимы через неделю свадьба, и

она, вся такая красивая, нарядная, будет стоять в загсе, слепнуть от фотовспышек, а Женя наденет ей на палец обручальное кольцо. Потом они прокатятся по Садовому кольцу на белом лимузине, а затем отправятся в дорогой ресторан. Они будут с Женей стоять во главе стола и целоваться под крики «Горько!»... Девчонки просто умрут от зависти!

Да что там девчонки! Серафима сама будет себе завидовать. Отгремит свадьба, снимет она подвенечное платье и превратится в обычную женщину. И будет вспоминать, как все было здорово. Вспоминать и завидовать себе, невесте, на своем самом грандиозном празднике в жизни. Завидовать себе в унылости будничной жизни. Но не стоит расстраиваться, ведь все еще впереди...

В дверь позвонили. Ну вот, Женя пришел. Еще не вечер, рабочий день у него не закончился, но он мог освободиться и пораньше. Ведь у них на носу свадьба, и столько дел еще им надо переделать.

Но за дверью стоял Вадим. Красивый и складный, как Аполлон. Взгляд снисходительно-ироничный, завораживающий.

Вадим была братом ее жениха, но к Серафиме он относился как к младшей сестренке. Он не скрывал своего превосходства над ней и не стеснялся смотреть на нее как на какого-то несмышленища. Ну да, он же первый парень на большой деревне и спит с самыми красивыми девушками, у него богатый круг интересов, ему известно многое из того, что недоступно простому смертному. И еще у него намечается второе высшее образование. Он красивый, стильный, и по его одежде можно судить о мировых тенденциях в моде.

– Жениха ждешь, невеста? – белозубо улыбнулся он.

Всем своим видом он говорил, что разрешает ей броситься себе на шею. Он так уверен в том, что Серафима просто мечтает оказаться в его объятиях... А ведь он, увы, недалеко от истины.

– Да, своего жениха...

– Блин, ты такая красивая, что я сам хочу быть твоим женихом, – весело сказал он, закрывая за собой дверь. У него загорелись глаза, столько страстного жара исходило от них, что Серафима сама запылала изнутри.

– Женька мой жених, – мотнула она головой, чувствуя, как под его проникновенным взглядом немеют кончики пальцев.

– А если я тоже хочу, что мне делать?

Он обнял ее за талию, приблизил к ее лицу свои губы. Она попыталась уклониться от поцелуя, прогнулась назад, но все-таки не сумела выскользнуть из его объятий. А губы у него горячие, пьянящие, головокружительные. И нет уже никаких сил стоять на ногах. Хочется лечь. И не просто лечь...

Но Вадим не торопился. Он помог ей избавиться от платья, снял бюстгальтер и оставил в одних белых чулках.

– Здорово! Ты смотришься очень здорово!

Это был какой-то кошмар. Он стоял перед ней на коленях и неторопливо крутил ее на постели. Любовался ею и восхищался. А Серафима как замороженная позволяла ему собой вертеть. Потому что она ничего не соображала от нахлынувшего на нее безумства.

А когда Вадим вдруг уложил ее на спину, она уже готова была умолять, чтобы он как можно скорее сделал ее женщиной... Нет, она не хотела изменять Жене. Просто Вадим силой своего дьявольского очарования отправил ее в другое измерение, где она была его невестой. Жене здесь просто не было места...

Вадим и сам вошел в это измерение. Было немного больно, зато он стал ее мужем. Одна только эта мысль могла заставить ее стонать от удовольствия...

Но вдруг все закончилось. Вадим поднялся, быстро оделся, сел в кресло, достал сигарету, закурил.

В квартире у нее курить не принято, Женя никогда себе этого не позволял. Но Вадим даже разрешения не спросил. А она не возражала. Да и сил у нее не было, чтобы говорить. И с дивана подниматься не хотелось. Лежать бы и лежать, а Вадим, так уж и быть, пусть на нее смотрит. Ведь она так хороша в своей наготе. Он сам так говорил, и она не могла с ним не согласиться. Подвенечное платье валялось на полу, с Женей бы она себе такого не позволила, но ведь с ней был Вадим, самый красивый и желанный мужчина на свете. Да и не нужно ей больше свадебное платье, ведь все уже позади. Вадим стал ее мужем, и они теперь будут вместе...

– Ну чего ты лежишь, как шлюха? – спросил вдруг он.

От возмущения у Серафимы зазвенело в ушах.

– Кто шлюха? – как ужаленная, вскочила она с дивана.

– Я не говорил, что ты шлюха, – с ухмылкой сказал Вадим. – Я сказал, что ты лежишь, как шлюха...

– Я не такая! – мотнула она головой.

– Не такая, но уже из трамвая... Блин, поверить не могу! Я что, первый у тебя?

– Да, первый...

Серафима надела халат, плотно запахнув полы.

– Блин! А как же Женька? Он что, тебя не пробовал?

– Я что, конфета, чтобы меня пробовать?

– Конфета. Сладкая конфета, – озорно улыбнулся Вадим. – Берешь такую конфетку, разворачиваешь и съедаешь! Вкусно!

– А дальше что?

– Что дальше? – Какое-то время Вадим внимательно смотрел на нее, а потом вдруг приснул в кулак. – Я что, теперь жениться на тебе должен?

– Я это говорила? – обиженно глянула на него Серафима.

– Да у тебя на лице написано... Фим, это не деревня, это город. Здесь даже секс – не повод для знакомства. И тем более для женитьбы...

– Я в деревне не жила. Я жила в городе.

Небольшой у них город, многоэтажек раз-два и обчелся, но все-таки это не деревня и даже не село. Так что пусть Вадим не задается. Тем более что он и сам жил когда-то в маленьком подмосковном городе.

– Да? А отец у тебя кто?

– Агрономом был. А сейчас мукомольный завод у него.

– Хлебом нас кормит?

– А это плохо?

– Кто говорит, что плохо? Хорошо... А что, он вам на свадьбу квартиру дарит?

– Собирается.

– Большую квартиру?

– Однокомнатную.

– Да? – Вадим озадаченно поскреб пальцами у себя за ухом. – А где?

– В Москве.

– Ну, это понятно... А где конкретно?

– Не знаю. Не спрашивала.

– Понятно... Классно, квартира у вас с Женькой будет.

– Я не могу выйти за него замуж, – покачала головой Серафима. – После всего, что между нами произошло, не могу...

– Да ладно, никто ничего не узнает.

– Я знаю... Да и не люблю я Женю... Я тебя люблю!

Она смотрела на Вадима с нежностью влюбленной женщины. Сейчас он подойдет к ней, приласкает, и они снова окажутся в том измерении, где им было так хорошо...

– Фим, ты мне тоже очень нравишься, – с какой-то безрадостной улыбкой отозвался он. – Очень нравишься... Только я сейчас не готов к браку... А ты выходи замуж за Женку. Выходи. А я к тебе в гости заходить буду. Ну, когда его дома не будет... Тебе же хорошо со мной было? И мне с тобой понравилось...

– Я буду его женой, и ты будешь со мной спать? Тебе не стыдно? Он же твой брат.

– Мне стыдно. Но если ты хочешь...

– Уходи.

– Что?

– Пошел к черту!

Серафима втайне надеялась, что Вадим ее не послушается и останется. Они будут ругаться, выяснять отношения, а потом помиряются. Он поймет, что был не прав, раскается в своем легкомыслии, а затем сделает ей предложение.

Но Вадим даже не стал возражать. Изобразил обиду и ушел.

А вечером пришел Женя, и Серафима решила ему ничего не говорить. Не призналась она ему в измене и на следующий день. А через неделю вышла за него замуж...

* * *

Да, она знала свою перед мужем вину, но откуда ему об этом известно? Ведь Серафима никогда и никому не рассказывала об этом давнем грехе.

– Ты думала, что я не знаю? – нехорошо усмехнулся Женя. – А я знал... Люди добрые рассказали.

– Какие люди?

– Говорю же, добрые...

– Это было всего один раз, – сокрушенно вздохнула Серафима. – Сама не знаю, что на меня нашло...

И сейчас она не понимала, что с ней происходит. Ведь это Вадик растрепался о том, что у них было перед свадьбой, и она могла сказать, что все это вранье. А она вдруг взяла и призналась... Может, это сама совесть говорит ее голосом?

– Я знаю, что на тебя нашло. Не любила ты меня, потому и нашло.

– Женя, я очень тебя люблю! – ничуть не сомневаясь в этом, сказала она.

– Сейчас, может, и любишь... Но ведь было с Вадиком? Было! И как ты хочешь, чтобы я к нему относился?

– Жаль, что ты не убил его.

– Вот и я о том же...

– Он очень плохой человек... Недавно он пытался приставать ко мне, – призналась Серафима. – У него ничего не вышло. Потому что я не люблю его. Я тебя люблю.

Она хорошо помнила тот день, когда Вадим привез в дом одну из своих подружек. Девушка чем-то была похожа на нее, но непонятно почему он решил, что Серафима должна ревновать его. А ей тогда было совершенно все равно... Но недели через две Вадим снова появился у нее на горизонте, встал у нее на пути, когда она выходила из супермаркета, попытался соблазнить, но так ничего и не добился...

– Почему я должен тебе верить? – пытливым взглядом посмотрел на нее Женя.

– Потому что я очень тебя люблю.

– Я тебя тоже...

– Не надо меня прощать, но давай все забудем.

– Уже забыл.

Женя поднял руку, и она положила голову ему на живот, чувствуя, как его пальцы гладят ее волосы.

Глава 7

Воскресный летний вечер – не самое лучшее время для путешествия по Кольцевой автострате. Дачники возвращались в город, закупоривая все прилегающие к Москве дороги. Подполковнику Круче не повезло, он угодил как раз в такое столпотворение.

Адрес этой квартиры он узнал от Костина. Евгений Максимович не вникал в жизнь брата и даже не знал, где он живет. Но Круча позвонил матери Вадима, и та сказала адрес, а ключи от квартиры Круча нашел в машине Остроглазова.

Впрочем, прежде чем открыть дверь, он нажал на кнопку звонка. И, как оказалось, не зря. Дверь ему открыла красивая девушка с длинными каштановыми волосами. Большие василькового цвета глаза под длинными ресницами, аккуратный носик, пухлые, подкачанные ботоксом губки. Узкие изящные плечики под бретельками короткой маечки, талия тонкая, но бедра широкие – коричневые джинсы плотно обтягивали их.

Девушка очень хороша собой, но под описание Лизы она не подходила. А Круча очень хотел поговорить с девушкой, которую Вадим привозил на смотрины к брату, возможно, с коварным умыслом.

Он надеялся найти ее адрес или хотя бы номер телефона в записной книжке Вадима, но у того при себе ничего такого не было. Только портмоне с документами на машину, банковской и дисконтными карточками. И в самой машине ничего интересного Круча не обнаружил.

Даже сотового телефона у Остроглазова не было. Может, он звонил кому-то по мобильнику в тот момент, когда его ударили по голове. И в воду он мог упасть вместе с телефоном. А пруд под мостками глубокий. Завтра там будет работать водолаз, но если он и найдет мобильник, не факт, что в нем сохранятся номера телефонов и прочая информация.

– Ой! А вы кто? – Красавица настороженно смотрела на него. Но дверь не закрывала.

– А вы подруга Вадима? – вопросом на вопрос ответил он.

– Да, я его подруга, – кивнула она. – Но его сейчас нет...

– А где он?

– А вы, извините, кто будете?

Вид у подполковника Кручи фактурный, внушительный, потому он мог произвести о себе выгодное впечатление. С женщинами не всегда это получалось, но девушка Вадима смотрела на него с интересом, хотя и настороженно.

– Подполковник Круча, уголовный розыск.

Он предъявил удостоверение с таким видом, будто извинялся за свою принадлежность к органам правопорядка.

– А в чем, собственно, дело?

– А вы ничего не знаете?

– Нет... А что я должна знать? – забеспокоилась девушка.

– Вы Вадиму звонили?

– Да, но у него телефон выключен...

– А брату его звонили?

– Брату? Какому брату?

– А вы не знаете?

– Что вы все время загадками говорите? Что с Вадимом?

– Телефон его утонул. Не просто выключился, а утонул.

– Утонул телефон, и что?

– Вместе с Вадимом утонул... Нет Вадима. В морге он.

Какое-то время девушка смотрела на него потрясенно и в оцепенении. Потом спросила:

– Кто вы? Что вам надо?

Круча понял, что ее пора выводить из ступора.

– Подполковник милиции я. Уголовный розыск. Теперь вы, гражданочка, покажите документы. Откуда я знаю, может, вы проникли сюда с целью ограбления.

– Я проникла сюда? – встряхнулась она. – Нет, я здесь живу...

– На каком основании? Вы жена Вадима Остроглазова?

Круча переступил порог, и девушка даже не попыталась возмутиться. Она в замешательстве смотрела на него, не зная, что сказать.

– Нет, я его подруга. Нина меня зовут... А документы вот!

Она полезла в сумочку, достала паспорт. Действительно, Нина ее зовут... Нина Викторовна Захарова, прописка – рязанская.

– И давно вы, Нина, с Вадимом встречаетесь? – спросил Круча.

Насколько он знал, эту квартиру Остроглазов снимал. Ремонт здесь был сделан скромный, с робкой претензией на евростиль, мебель неважная, на стенах картины с авангардной мазней, на полках статуэтки Эйфелевой и Пизанской башен, статуи Свободы, римского Колизея, замка Тауэр, Кельнского собора... Видимо, Вадим любил путешествовать по миру и привозил из своих поездок памятные сувениры.

– Да, уже почти месяц... Черт, а он что, правда утонул? – всплеснула руками Нина.

– Да. Если не верите, я могу дать вам номер телефона, позвоните, узнаете.

– Чей телефон?

– Морга.

– Нет! Не может быть! Что же мне теперь делать?

– А что вы делали до знакомства с Вадимом?

– Ничего. В институте училась. И сейчас учусь. Как же так? Почему он утонул?

– Его убили.

– Кто его убил?

– Пока не ясно. Он вам не говорил про своего брата?

– Нет, не говорил. А его что, этот брат убил?

– Пока не ясно. А ты не знаешь, где у Вадима хранится записная книжка?

– Записная книжка? Какая записная книжка?

– Ну, с адресами его бывших девушек...

Если и была в доме такая книжка, то Нина давно бы ее уже нашла. Женщины народ любопытный, в особенности в отношении того, что касается их мужчин. Вадим уехал отсюда как минимум вчера, и у нее было достаточно времени, чтобы обшарить всю квартиру. Если она не сделала этого раньше.

– А зачем вам?

– Если эта книжка есть, то я обязательно ее найду.

– У вас есть постановление на обыск?

– Это не обыск, это следственные действия. Вадим ни в чем не подозревается. Вадим просто мертв...

– Да, конечно. И какая уже разница? Да, есть у него такая книжка. Только это не книжка, это целый фотоальбом. Я в компьютере у него нашла. Только там не совсем все пристойно...

Круча развел руками. Дескать, человек он взрослый, морозоустойчивый и непристойностями его не удивишь.

Нина села за компьютерный стол, включила ноутбук. Круча подсаживаться к ней не спешил, он осматривал комнату, заглядывал в ящики столов и шкафов. Но ничего интересного пока не находил.

– Нина, а что вам говорил Вадим, когда уезжал вчера? – спросил он.

– Ну, сказал, что встреча с друзьями. Сказал, что вечером будет.

– Он у брата гостил. И, насколько я знаю, домой он вчера вечером не собирался.

– Ну, я не знаю... Сказал, что вечером будет, и уехал.

– Что еще сказал?

– Ну, сказал, чтобы я не скучала.

– Это понятно. Может, еще что-то говорил? Может, не вчера, может, позавчера. Сказал, что к друзьям поехал, а зачем, не говорил?

– Нет, сказал, что это встреча друзей. Ну, его институтские друзья. Сказал, что там все без жен собираются... Вот, альбом открылся. Первая страница. Ариадна ее зовут...

На мониторе высветилась фотография роскошной блондинки с большим бюстом. На первых нескольких снимках девушка была в купальнике, дальше пошло гораздо более интимное «ню» на уровне журнала «Плейбой». Неплохая у Остроглазова вышла фотосессия, только вот качество снимков не очень. Ну да, это же июль двухтысячного года, технику той поры не сравнить с нынешней. Помимо снимков в первой папке электронного альбома содержался краткий рассказ о том, где и при каких обстоятельствах Вадим познакомился с Ариадной. В Москве он ее снял, в ночном клубе, там же у них произошел секс, в кабинке туалета...

Девушкой августа того же года была шатенка Вика, с которой Вадим познакомился в магазине. Ее сменила блондинка Оля, за ней шла симпатичная армяночка Мэриам... И негрятки в его альбоме присутствовали, и азиатки, но предпочтение Вадим отдавал светловолосым славянкам.

Много у него было девушек – и те, которые на час, и те, с которыми он имел более-менее длительные отношения. Даже проститутки он коллекционировал, но только тех, за которых было не стыдно. Была в его альбоме некая Кармелла, Вадим писал, что снял ее на Каланчевской, так она на элитную фотомоделю больше похожа, чем на проститутку. И Элен также хороша, и Ника... Некоторые папки в альбомах пустовали. Имя девушки обозначено, дата стояла, а фотографий не было. Может, потому и удалял их Остроглазов, что считал знакомство с этими «пустышками» недостойным для себя. А может, он просто не имел возможности снять на фотокамеру этих девушек. Секс, может, и был, а с фотографиями как-то не сложилось...

Остроглазов явно гордился своими сексуальными свершениями, потому и собрал столь замечательную коллекцию. И чем ближе к две тысячи десятому году, тем качественней были снимки, но девушек становилось меньше. Или уставать стал парень от своих походов, или женщины уже не так жаловали его своим вниманием, как прежде.

Нина щелкала кнопкой мышки, невидяще глядя на экран. И автоматически прощелкала свои фотографии. Море, пальмы, песчаный берег, они с Вадимом в обнимку на пляже. Потом он снял ее на бортике бассейна, здесь она тоже в купальнике – красивые формы, упругое молодое тело. А вот Нина в постели, в одних только плавках. Лежит она грациозно, подпирая голову рукой, грудь обнажена, но это ее совершенно не смущает. Вот она повернулась к фотокамере боком, и ничего на ней нет. Дальше могло быть круче, вплоть до трех «иксов».

– Э-эй, Нина, очнитесь!

Круча тронул девушку за плечо, и она, вздрогнув, отбросила мышку. А затем, глянув на свою фотографию, закрыла крышку ноутбука.

– Спасибо, что предупредили, – смущенно и с благодарностью глянула она на Кручу. – Сижу, думаю, что Вадима больше нет, голова отключилась...

– Бывает... Все-таки вы месяц с ним жили, а это, судя по его легкомыслию, немалый срок.

– Да, срок.

– Он говорил, что любит вас?

– А это обязательно?

– Нет, если вы считаете, что это некорректный вопрос, можете не отвечать.

– Да нет, я не про ваш вопрос. Я про Вадима. Ему совсем не обязательно было говорить, что он меня любит...

– Почему?

– Хотя бы потому, что он меня не любил... Я ему нравилась, он хотел, чтобы я жила с ним, но любви не было. Я, может, и любила его, а он нет... Не тот он человек, чтобы любить кого-то. Он любил только самого себя. Знаете, есть такое понятие «нарциссизм»... И своих девушек он снимал на камеру не для того, чтобы любоваться ими, они нужны были ему, чтобы любоваться собой на их фоне...

– Да, такой он человек. Был таким человеком. Нина, давайте откроем ноутбук, я бы хотел посмотреть на фотографии...

– Вы меня, конечно, извините, но это мои фотографии. И я не хочу, чтобы вы их видели.

– Я не про ваши фотографии. Меня интересует девушка Лиза.

Да, была такая красotka в фотоальбоме. Черноволосая, с таким же тонкими чертами лица, как у Серафимы. Такая же изящная и худенькая, как она. Круча ее приметил, но ничего не сказал и Нину не останавливал. За Лизой следовала очень красивая, но пышнотелая Таисия, и только за ней шла сама Нина.

Он возвратился назад, к первой фотографии Лизы, где она стояла в купальнике на фоне рисованного моря возле бассейна. Море, солнце и пальмы изображены были на стене купального павильона в доме Костина. Круча узнал это место, потому что удосужился побывать на цокольном этаже, где находилась сауна с бассейном. И Вадим, судя по всему, там побывал вместе с Лизой прошлой зимой.

В этой сауне он и устроил фотосессию с Лизой. Она лежала на полке, на животе, вытянувшись в полный рост. Одежды на ней не было, но, пожалуй, это был самый откровенный снимок во всей фотосессии.

– Худая она какая-то, – не без ревности в голосе сказала Нина. – Кожа да кости...

Костлявой Лизу не назовешь, но подкожного жира в ней действительно почти не было. И грудь совсем не маленькая, и задние формы выглядели весьма аппетитно. Так что не очень справедлива к ней Нина.

– Вы ее знаете? – спросил Круча.

– Нет. А зачем она вам?

– Да нет, ни за чем. Просто понравилась.

Вадим познакомился с ней в торговом центре, подошел, завел разговор. Лиза оказалась большой поклонницей творчества Кафки, и он предложил обсудить его «Замок» в своей квартире. Она согласилась и через три дня была уже в его постели. Не через час-два, как обычно, а через три дня. Довольно-таки большой срок для прожженного мачо... Ее адреса в досье Вадим не оставил, зато там имелся номер телефона. И Круча переписал его в свой блокнот.

– А зачем вам ее номер?

– Сначала с вами поговорю, потом с ней. И так по списку...

– Да, но записали вы только ее телефон.

– А вдруг я в нее влюбился?

– Не знаю, что вы в ней нашли. – Нина пренебрежительно оттопырила нижнюю губку.

– А Вадим что в ней нашел?

– Ну, мы не обсуждали. К тому же это пройденный эпизод... И он не собирался на ней жениться...

– А на вас?

– Нет... Но он намекал.

– На то, что хочет на тебе жениться?

– Он сказал, что скоро у него квартира своя будет. Сказал, что мы вместе в ней будем жить.

Круча улыбнулся одной половиной лица и потер пальцами мочку уха. Смутный какой-то намек получила Нина, очень смутный. Вряд ли Вадим собирался жениться на ней, но если девушке хочется в это верить, незачем ее разубеждать.

– Давно пора иметь свою квартиру. Вадим хорошо зарабатывал?
– Ну, нормально. И квартира у него своя была...
– И куда же она делась?
– Он ее проиграл.
– В карты?
– Нет, в казино... Ну да, в карты, в «Блэк Джек»... Он свою квартиру прямо в казино и заложил. Взял деньги под залог и все проиграл. Говорит, помутнение какое-то нашло. С тех пор, говорит, в казино ни ногой.

– Надо думать... Значит, он на квартиру копил?
– Копил? Ну, не знаю... Он хорошо зарабатывал, но все уходило на развлечения. У них там своя тусовка, богема там всякая. Я в эти дела не лезла. Неинтересно мне. Да и он меня не звал. Говорил, что там все очень сложно, без специальных познаний не поймешь.

– И что это за специальные познания?
– Ну, махаяна там какая-то, просветление сознания, все такое. Буддийская философия.
– Он что, увлекался этим?
– Да, говорил, что стремился к нирване... Врет он все, там понтов было больше, чем философии. У них в тусовке все гении, рисуются друг перед другом. Им там вообще не важно, чем заниматься, лишь бы от нормальных людей отличаться. У гениев только так, и не иначе. Если общество не признало их, то и они не признают общество. Они – элита, а все остальные сброд. Вадим тоже таким был. Ох, что же я такое говорю! – спохватилась Нина. – Его нет, а я качу на него...

– Ничего, ничего... Если он все деньги тратил на развлечения, то на что он квартиру собирался покупать?

– Не знаю. Он не говорил.
– Может, он у брата собирался занять?
– Я вообще ничего не знала про брата.
– Его Евгением Максимовичем зовут. Он его называл просто Женя.
– Женя?.. Ну да, про Женю слышала...
– Что вы слышали?
– Ну, он звонил какому-то Жене, разговаривал с ним. Про какую-то Лизу спрашивал...
– Про какую-то?
– Ой, он что, про нее спрашивал? – Нина ткнула пальцем в монитор.
– А что он спрашивал? – заинтригованно спросил Круча.
– Ну, как она там поживает, спрашивал. И еще спросил, как жена ко всему этому относится...

– Еще что говорил?
– Ну, сказал, чтобы он Фиме какой-то привет передавал.
Не зря Круча заинтересовался Лизой. Чутье сыщика подсказало ему, что нить преступления может проходить через нее. Сначала Роза про нее сказала, теперь вот подруга покойного Вадима обмолвилась, причем в связке с подозреваемым. «Вадим – Лиза – Костины», такая вот вырисовывалась комбинация.

– Значит, про Лизу спрашивал.
– Да, спрашивал. Как она поживает, спрашивал, – кивнула Нина.
– Каким тоном спрашивал? Серьезным тоном или с насмешкой?
– Кажется, с насмешкой.

Квартиру Вадим хотел купить, а где он собирался взять деньги? Может, у Костина? Он человек богатый и вполне мог раскошелиться на квартиру для брата... Может, жадничал Евгений Максимович, потому и решил Вадим подвигнуть его на благотворительность. Нашел козырь для разговора с братом и отправился к нему в гости...

– Спасибо вам, Нина. Мне уже пора. Компьютер я забираю. Если у меня возникнут к вам вопросы, вы уж не откажите мне в свидании с вами, – улыбнулся Круча.

– Я подумаю, – в тон ему отозвалась девушка.

– Тогда доброй ночи!

– Какая уж она добрая? Вадима нет и никогда не будет, – вздохнула она.

Горечь на душе у Нины, скорбь, но отчаяния Круча не видел. Смерть Вадима для нее не трагедия, и она сама это прекрасно понимала. Ведь не было у них перспективы на будущее. Рано или поздно он бросил бы ее. А она молода и хороша собой, и впереди у нее целая жизнь. Она обязательно найдет себе более достойного мужчину.

Глава 8

Разговор о погоде – неплохой способ наладить контакт с девушкой, особенно если на улице стоит настоящая летняя погода. Закончились дожди, с каждым днем все жарче на улице, как бы не дошло до тропического зноя.

Контакт установлен, но шаткий он, ненадежный, как мост из тонких канатов. Не очень-то хочет Лиза отвечать на вопросы. А ведь Степан Круча мог бы вызвать ее в отдел милиции, допросить по всей форме как свидетеля, но нет, он пригласил ее в кафе, заказал по чашечке капучино.

– Мне очень жаль, что Вадим погиб. Но мы с ним уже давно расстались, я его забыла, и у меня нет желания о нем говорить.

Круча с интересом смотрел на Лизу. Не мог не смотреть, потому что она сама притягивала взгляд. Иконописная у нее красота, глубокая, животворящая. Держалась она с ним холодно, но при этом он ощущал тепло, исходящее из ее душевных глубин. И свет от нее он чувствовал – яркий, но невидимый...

Внешне она действительно напоминала Серафиму Костину, но внутреннего очарования в ней несравнимо больше. И женственной она, и выразительней, и даже душевней, хотя на Кручу смотрела с отчуждением. И еще она была моложе и свежее... Костину нравится такой тип женской красоты, потому он и выбрал Серафиму. Но через много лет судьба свела его с Лизой, и он не смог устоять перед таким соблазном... И чутье, и факты подсказывали Круче, что Лиза его любовница.

– У меня тоже нет желания о нем говорить. Но приходится. Произошло убийство, и мы должны найти преступника.

– Я здесь при чем?

– Дело в том, что в убийстве Вадима Остроглазова подозревается Евгений Максимович Костин.

Круча наблюдал за Лизой и заметил, как дрогнул ее взгляд.

– И что?

– Вы знаете Костина?

– Нет, не знаю.

Она отвела глаза в сторону и пальцами коснулась кончика своего носа. Когда человек лжет, его совесть возмущается, отчего усиливается приток крови к мочкам ушей, кончику носа, возникает желание почесать их. Ну и невольное движение глаз выдало неискренность Лизы. Да и факты против нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.